

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

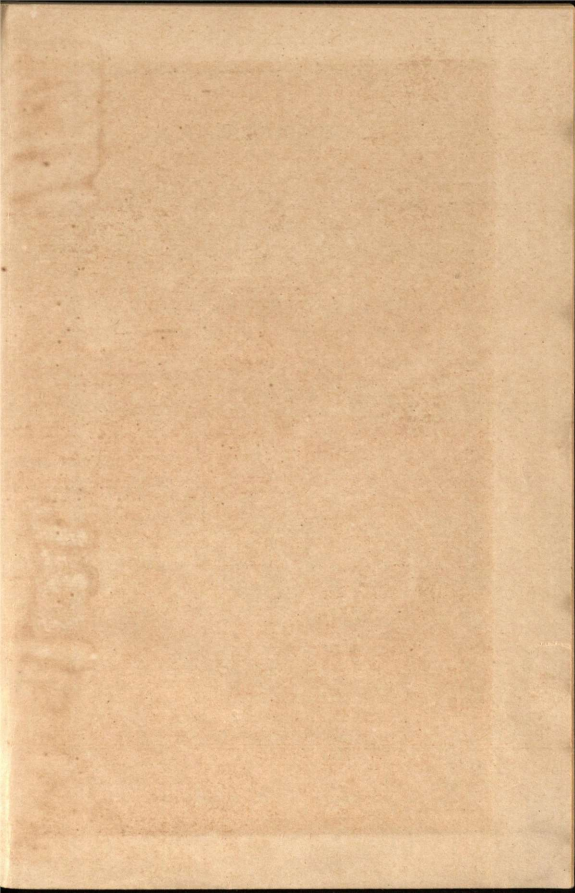
Б. ДАЛЬНИЙ

ЮНОСТЬ
АНАТОЛИЯ ДУРОВА

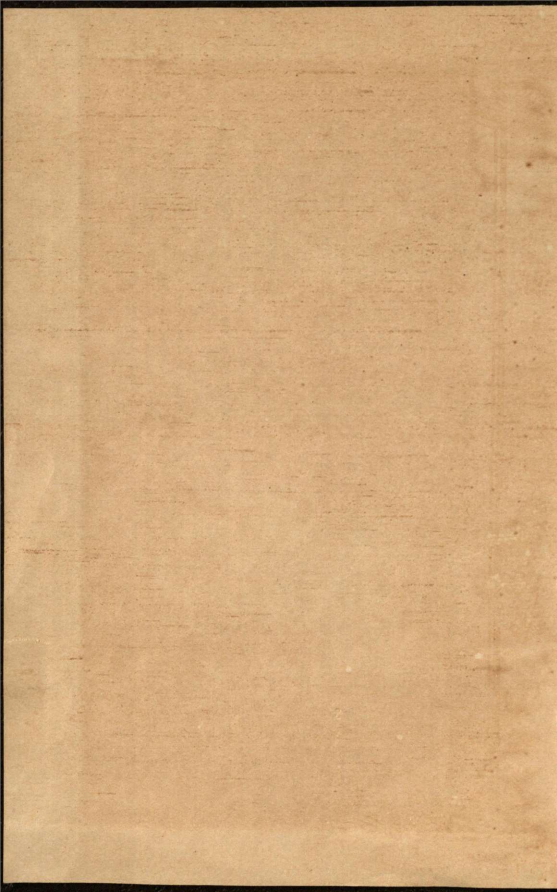

Б. ДАЛЬНИЙ

Юность Анатолия Дурова

ПОВЕСТЬ

ВОРОНЕЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

112001

КД 84

Акинъшин А.И. 52р

ОГЛАВЛЕНИЕ

В цирке на Цветном бульваре	- - - - -	3
«Я буду клоуном!»	- - - - -	11
Хотя бы ковры расстилать	- - - - -	20
На подмостках балагана	- - - - -	28
Побег от Вайнштока	- - - - -	38
«Делайте ваши выступления злободневными»	- - - - -	49
Воронежский успех	- - - - -	57
Русский клоун Анатолий Дуров	- - - - -	69
Слава и гонения	- - - - -	86
Вместе с народом	- - - - -	98

Дальний Борис Дмитриевич
ЮНОСТЬ АНАТОЛИЯ ДУРОВА

* * *

Редактор И. Е. Толстой
Художественный редактор С. Г. Красносельская
Художник М. А. Алейников
Технический редактор П. Г. Серадзская
Корректор Л. С. Лепп

* * *

Сдано в набор 11/II-1957 г. Подписано к печати 4/V-1957 г.
Формат 84x108¹/₃₂ 5,75 печ. л. 6,07 уч.-изд. л.
Тираж 30000 экз. ЛЕ01674. Цена 3 р. 80 к. Заказ 1308.

* * *

Воронежское Книжное Издательство, ул. Орджоникидзе, 19.
Воронеж, 1-я тип. Облуправления культуры

0715001

12

Он «был тем волшебником, который в отравленный источник печали влил каплю, одну только каплю живой воды — смеха — и сделал его целебным, дающим силу и жизнь».

М. Горький.

В ЦИРКЕ НА ЦВЕТНОМ БУЛЬВАРЕ

осквичи любили новый цирк на Цветном бульваре. Хозяин, бывший наездник Альберт Саламонский строил его, не жалея затрат, в расчете, что богатая Москва окупит любые затраты. В большом каменном здании тепло, нарядно и просторно. Буфет всю ночь торгует «разнообразными винами и закусками». Хрустальные люстры ярко освещают цирк, и дамы могут здесь показать свои меха и брильянты. Программа представлений подбиралась так, что каждого тянуло посмотреть: балеты-пантомимы — с участием всей труппы, на самые занимательные сюжеты, наездники, акробаты и гимнасты, клоуны, жонглеры, фокусники, гипнотизеры, дрессированные звери, румынский оркестр. Приятно биржевику провести вечер в кресле первого ряда, в непосредственной близости к хорошеньким наездницам. Любопытно торговцу из Охотного ряда поглядеть, как рискует сломать себе шею гимнаст, работающий на трапеции без сетки. Любил и простой народ подивиться на ловких акробатов и жонглеров, посмеяться занятным выходкам клоунов.

В этот зимний вечер программа была заполнена эффектными номерами. «Люди-мухи» в усеянных блестящими цветных трико ходили по потолку цирка вниз головой. Итальянские партерные акробаты — пять рослых молодцов — прыгали с подкидной доски на плечи друг другу, и пятый совершал невиданный трюк — тройное сальто. Головоломные трюки проделывал и русский красавец-жокей Василий Соболевский. Пустив лошадь бешеным карьером, он прыгал с нее на арену и, выждав момент, словно подкинутый пружиной, взлетал на седло, сделав при этом сальто. Вслед затем зрители наблюдали, как гимнастка Мери Вальтер совершала «смертельный прыжок из-под купола цирка в сетку»...

В начале второго отделения выступали «четыре черта», воздушные гимнасты. Цирк погрузился в полутьму. Под бравурный марш вышли, в красных лучах прожектора, трое мужчин и женщина, затянутые в красное трико, с черным изображением головы Мефистофеля на груди. По шелковой лесенке они взобрались на трапеции под купол цирка. Оркестр заиграл медленный вальс. С двух сторон протянулись цветные меняющиеся лучи, и в этих лучах летали с трапеции на трапецию фигуры гимнастов, превращаясь из красных в зеленые, голубые, фиолетовые. Полеты «чертей» должны были поражать фантастичностью. После таких «смертных» и «мистических» номеров публика с особой охотой смотрела на весельчаков-клоунов.

Их было много. Первые два выкрикивали деревянными картавыми голосами забавную чепуху, били друг друга по голове гремящими бычьими пузырями, обливали водой и осыпали опилками. Вторая пара клоунов, превосходно жонглируя, показывала чудеса эквилибристики и каламбурила, разыгрывала комические сценки. Клоун в белом парике спрашивал:

— Макс, что с тобой? Почему ты так горько плачешь?

— Скончалась моя дорогая, моя горячо любимая тетька!.. — Рыдая на весь цирк, рыжий протягивал телеграмму белому и садился в полном отчаянии на ковер.

— Послушай, Макс, — говорил белый клоун, — ты, кажется, ошибся. Здесь написано: «скончалась теща»...

— Теща?! — Рыжий вскакивал, хватал телеграмму.

— В самом деле — теща!.. Вот так штука: теща по-
дохла!

От восторга волосы его парика вставали дыбом; он хохотал и кувыркался.

— В таком случае давай споем что-нибудь веселенькое! — И отвратительным голосом затягивал на мотив «Барыни». Белый просил замолчать. Рыжий обижался:

— Ты просишь меня замолчать, а знаешь ли ты, что я своим голосом спас человеку жизнь?

— Каким образом?

— А вот каким. Я пел, а приятель мне заявил: «Если ты не прекратишь пения, я застрелюсь». Я замолчал, и он остался жив.

Больше всех рассмешил клоун, показавший со своими двумя бульдогами «бой быков». Клоун изображал торреадора, бульдоги — быков. Клоун дразнил флегматичных бульдогов красной тряпкой, колол бутафорской шпажкой. Потеряв терпение, бульдоги набросились на «торреадора», повалили наземь, сдернули с него длинные штаны и умчались с ними за кулисы. Убежал, мелькая голыми ногами, и клоун «торреадор».

В этот вечер многие зрители с особым интересом ждали третьего отделения. Но вот, наконец, распорядитель в черном фраке выстроил униформистов, оглядел переполненный, замирающий цирк.

— Оригинальный клоун Анатолий Дуров!

Приветствуя публику поднятыми руками, на ярко освещенную арену легким шагом вышел среднего роста человек без грима, лишь с слегка подведенными глазами, в парчовом голубом костюме. Камзол с пелериной и белым пышным жабо, панталоны до колен; стройные ноги обтянуты белыми шелковыми чулками.

Люди всех чинов и званий,
Без различья состояний,
Перед вами я стою
И челом вам низко бью!
Жрец веселого я смеха,
Откликаюсь я, как эхо,
На людские все дела,
И моя сатира зла.
Выражаюсь я по-русски,
И не раз сидел в кутузке.
Но не брошу никогда
Резать правду, господа!..

Он читал свой вступительный монолог, как первоклассный драматический актер. Его звучный баритон был слышен на самых верхах цирка. Служитель подал ему ходули, и клоун танцевал на них и скороговоркой приговаривал:

Вот ходули закрипели,
Мне, поверьте, нелегко.
Все в конце концов слетели,
Кто забрался высоко...

— Ну, а если еще не слетели, то обязательно слетят, — прибавил он, переходя на разговор. — Стоит только споткнуться...

Дуров спрыгнул на арену. Служитель подхватил ходули.

— Впрочем, не так опасно споткнуться, как обмолвиться. Вот я раз обмолвился в одном городке, — так начальство арестовало мой язык. Публика кричит: «Дуров, говори!» А я не могу. Мой язык арестован. Так жестами и показал, что свой голос я передаю барану...

Обращения к зрителям Дуров сопровождал акробатическими трюками. В цирке стоял непрерывный смех. Смеялись на галерке, в рядах амфитеатра, в ложах и партере. Смеялся генерал-губернатор Москвы, князь Долгоруков. Не смеялись только Пастухов, редактор-издатель «Московского листка», и сидевший рядом с ним рецензент.

Они сидели в первом ряду. Пастухов внимательно слушал, подавший вперед, тяжело опираясь на трость обеими руками, и бормотал в усы: «Плоско... Не остроумно...» А когда Дуров, представляя зрителям дрессированного пеликана, декламировал —

Чиновный люд, кичась высоким саном,
Имеет много сходства с этим пеликаном, —

Пастухов сказал: «Это возмутительно!»

Пред низшими, слабейшими столь важны,
Так величавы, горды и отважны, —

продолжал клоун, и пеликан шел медленно, переваливаясь и высоко задрав голову с огромным клювом.

— Не понимаю, как до сих пор терпят в Москве этого клоуна, — обратился Пастухов к своему сотруднику.

— Но от великого до смешного часто бывает только один шаг, — говорил Дуров, и пеликан, повинувшись незаметным для публики знакам дрессировщика, закрывал глаза, пригибал длинную шею к самому ковру, выражая полнейшее низкопоклонство.

— А скажите, Дуров, — не выдержал рецензент, когда клоун поравнялся с его креслом, — какое расстояние от Дурова до дурака?

Дуров шагнул к нему и вежливо сказал:

— Тоже — один шаг!

Эта сценка заняла несколько секунд, и Дуров шел дальше по кругу со своим пеликаном. Но те, кто сидели ближе к Пастухову и его сотруднику, передавали другим зрителям ответ клоуна. Цирк снизу доверху пришел в движение, с верхних ярусов громко спрашивали: «Что он сказал?!» Сам генерал-губернатор заинтересовался и послал узнать, в чем дело?

Выступление Анатолия Дурова заняло все третье отделение. Он декламировал злободневные куплеты, демонстрировал дрессированных животных. Свиньи танцевали, собаки катались по арене на цветных шарах, лисица прыгала сквозь обручи.

— А теперь я познакомлю вас с моей самой умной и самой воспитанной свиньей! — объявил Дуров.

Выбежала огромная белая свинья. Дуров погладил ее.

— Видите, какая славная чушка! — обратился он к зрителям. — Это очень хорошая свинья. Смотрите, какая она чистая и веселая. Она очень образованная, разве только не научилась еще писать рецензий!.. Ну-ка, чушка, покажи себя публике!

Свинья весело побежала по арене вдоль барьера. Не закончив круга, остановилась против кресла, где сидел Пастухов, хрюкнула и, положив передние ножки на барьер, уставилась пяточком в редактора-издателя «Московского листка».

К свинье подошел помощник Дурова. Похлопал ее ладонью.

— Ну-ну, что стала? Пошла!

Свинья дернула хвостиком. Но с места не двинулась.

— Пошла! Пошла прочь!! — замахнулся на нее тростью Пастухов.

Помощник Дурова подталкивал свинью. Она упиралась и обиженно хрюкала.

Пастухов стукнул «чушку» тяжелой тростью по гладкой круглой спине. Не привыкшая к такому обращению свинья пронзительно завизжала, но не тронулась. Публика засмеялась. Сверху крикнули:

— Луи ее, барин!

Господа, господа, в чем дело?! Зачем обижаете мою чушку? — Дуров быстро подошел, посмотрел на свинью, на Пастухова и, обратясь к публике, громко сказал:

— А-а, понимаю!.. Чушка увидела старых знакомых! Насмотреться не может!..

Редактор-издатель растерянно поднялся. Только теперь он понял, что клоун сводит с ним счеты.

Зрители кричали: «Браво, Дуров!» Пастухов взглянул на губернаторскую ложу. Его высокопревосходительство смеялся и что-то говорил своему адъютанту.

— Вы... вы... — глядя с ненавистью в спокойно-насмешливое с задорно закрученными темными усиками лицо Дурова, Пастухов не находил подходящего слова, чтобы унижить его. — Вы — шут гороховый! Я подам в суд!

Красный от смущения, он схватил шапку и торопливо стал пробираться к выходу под крики и хохот публики. Вслед за ним выскочил и его сотрудник.

Шумно, делясь подробностями инцидента, расходились и разъезжались зрители. Не все, конечно, восторгались Дуровым. Сидя в карете Долгорукова, адъютант говорил:

Однако, ваше сиятельство, он слишком дерзок.

Может быть, но остроумен.

Все-таки, ваше сиятельство, Пастухов — представитель прессы, известный человек.

— Газетчик, плут, — кратко отозвался Долгоруков.

А куплеты о чиновниках?.. Это явная дерзость.

Не разделяю вашего мнения. Он высмеивает высоко-челутов.

Простите, ваше сиятельство, но нельзя же позволять какому-то клоуну...

Дуров — артист, — перебил Долгоруков, — блестящий артист. Клоуну я никогда не послал бы лаврового венка.

Долгоруков напомнил о венке, который он послал Анатолию Дурову в день его бенефиса. Заметив раздражение в тоне князя, адъютант умолк.

На другой день вся Москва говорила о Дурове, его свинье и редакторе Пастухове.

Пастухов травил Дурова в своей газете. Недели три назад он сказал сотрудникам: «Этот каналья клоун больше не появится в Москве. Я его уничтожу...» Публика недоумевала, чем вызваны яростные выпады «Московского листка» против входившего в славу клоуна Анатолия Дурова.

Редактор-издатель мстил за своего сына. Сын Пастухова, избалованный молодой франт, афишируя свою близость к артистам цирка, однажды привел своих друзей за кулисы. Увидев Анатолия Дурова, приготовившегося к выходу на арену, он небрежно спросил:

— Пользуетесь успехом, господин клоун?

— Как видите, — ответил Дуров.

— А скажите, пожалуйста, — продолжал молодой Пастухов, — правда ли, что клоуну непременно надо иметь глупое лицо, чтобы пользоваться успехом?

— Правда.

Друзья молодого повесы дружно захохотали. Дуров подождал, пока они вдоволь насмеются, и сказал, обращаясь к Пастухову:

— Да, это правда. И если бы я имел ваше лицо, мой успех был бы вдвое больше!

Он любезно поклонился молодым людям и пошел на арену.

Через день в «Московском листке» появилась рецензия о цирке. В энергичных выражениях автор статьи разносил клоуна Анатолия Дурова. И потом ежедневно в этой газете ругали Дурова, называя балаганщиком и фигляром. Редактор рассчитывал, что хозяин цирка откажется от гастролей Анатолия Дурова. Но Саламонский и не думал отказываться. Интерес москвичей к выступлениям Дурова только усиливался, и каждый вечер над кассой цирка висел аншлаг. Яростные выпады «Московского листка» служили цирку превосходной рекламой. Москвичи ждали — как ответит Дуров?

Ответ оказался достаточно красноречив...

— Да, это вышло очень смешно, — повторила Тереза, когда они вернулись в гостиницу. — Какая рожа была у Пастухова... Не слишком ли сильно все-таки? Говорят, у Пастухова личное знакомство с адъютантом Долгорукова. Как бы нам не пришлось выезжать из Москвы.

— Испугалась? — Дуров еще не остыл от возбужде-

ния и ходил из угла в угол, подкручивая усики и усмехаясь. — А не ты ли сама подбивала меня подложить Пастухову свинью?..

Тереза не ответила. Стоя у большого трюмо, она вынимала из своей сложной прически гребни и шпильки.

— Что же ты молчишь? А? — Дуров подошел к жене, взял ее за плечи, заглянул смеющимися глазами в ее прекрасные агатовые глаза. — Струсил? Признайся!

— Ты знаешь, — я не о себе думаю, — она придержала рукой падающую волну волос. — Но и мне не хотелось бы до конца зимы...

— Не бойся, Терезочка! Самое большее, что может сделать Пастухов, — это ругать меня в своем дрянном листке... Ему сегодня солоно пришлось. Ну, да и я натерпелся от его борзописцев! Выкинь Пастухова из головы и иди спать. Я прилягу здесь, на диване. Чувствую — засну как убитый.

Перед тем как уйти к себе, Тереза сказала:

— Да, Анатолий, знаешь, кого я видела в цирке? Николая Захаровича!.. Он сидел в седьмом ряду амфитеатра.

— Что ты говоришь? Николая Захаровича? Ты не ошиблась?

— Уверяю тебя, это был он! У меня хорошие глаза, но я нарочно достала бинокль, потому что сама сначала не поверила своим глазам.

— Значит, он думает обо мне, интересуется, если пришел... Я понимаю: он сел так далеко, чтобы я не мог его увидеть!

Анатолий Дуров был так взволнован этим сообщением, что забыл о Пастухове и долго не мог уснуть, несмотря на усталость.

После Терезы самым близким ему человеком был Николай Захарович, его приемный отец. Детская привязанность к этому человеку, воспитавшему его, много о нем заботившемуся, с годами превратилась в сердце Анатолия Дурова в горячее чувство признательности и своеобразной любви.

Он вспоминал свои споры с Николаем Захаровичем. Теперь Анатолий мог бы сказать ему:

— Видите, — я не погиб, не опустился на дно, и моя семья не погибает от голода. Я счастлив, потому что знаю, что мое искусство служит народу и радует его. Да, мой путь очень труден. Но я артист, а не ремесленник...

«Я БУДУ КЛОУНОМ!»

Первый такой разговор произошел, когда Анатолию было двенадцать лет. В этот день его исключили из военной гимназии.

Директор вызвал Николая Захаровича и сказал ему:

— Ваш родственник нетерпим в стенах нашего заведения. Он весь класс превратил в акробатов и клоунов. Да и в других классах стали ему подражать.

Николай Захарович растерялся.

— Подвергайте его наказаниям.

— Не помогает. Он и в карцере норовит на голове постоять.

Директор взглянул на огорченное, покрасневшее лицо Николая Захаровича, известного в Москве адвоката и общественного деятеля, человека уважаемого, с хорошим состоянием, и прибавил мягче:

— Вообще ваш приемный сын — странный мальчик: нельзя сказать, что он дерзок, непочтителен к старшим, но — полнейшее равнодушие к наукам и вечные гимнастические упражнения.

— Он еще так мал. Мне кажется, что со временем он исправится.

— О, нет-с! Все испробовали. Советую обратить на него серьезное внимание... Мне неприятно вас огорчать, но должен сказать, что и старший брат подражает ему.

Анатолий встретил упреки Николая Захаровича с низко опущенной головой. Не то было ему тяжело, что он исключен — он ненавидел военную гимназию, — а то, что по его вине «отец крестный», чью заботу он всегда чувствовал, так расстроен.

— Ну, что?! Докувыркался, допрыгался? Исключили!.. Я вынужден был краснеть за тебя, негодного мальчишку! Каково мне было слышать: «Ваш родственник нетерпим в стенах нашего заведения...» Директор сказал, что ты и в карцере ходил на руках и стоял на голове!

Николай Захарович некоторое время молча разглядывал своего приемного сына.

— Объясни, пожалуйста: откуда это у тебя? Отец твой был военным. Почти все в вашем роду военные, даже бабка Надежда Андреевна. Где ты заразился этим акробатством, а?

Анатолий молчал, потупясь.

— Ведь ты и брата подвел под исключение! И он, глядя на тебя, кувывается и на руках ходит... Ну, я за вас возьмусь!

Страстью к «акробатству» Анатолий заразился в балаганах на Девичьем поле. Братья Дуровы ездили туда каждый раз в дни воскресных отпусков и уж, конечно, на святки и масленицу. Это было так весело после удручающей муштры в военной гимназии.

Анатолий был отзывчивым на ласку мальчиком. Он любил Николая Захаровича и его жену Татьяну Даниловну, которые взяли круглых сирот Анатолия и Владимира на воспитание и заботились о них, как о родных детях. Но... в богатом особняке «крестного» было очень скучно. Такой чинный, на английский образец, порядок царил в просторных комнатах, с навощенными паркетными полами, с атласной малиновой и желтой мебелью и тяжелыми шелковыми шторами на окнах, что уже на третий день рождественских каникул хотелось вернуться в гимназию, хоть там ребята и дразнились и дрались.

В доме Николая Захаровича бывало интересно только когда собирались гости. Приходили артисты и литераторы, потому что и Николай Захарович занимался литературой. В свободное от адвокатской практики время он сочинял пьесы. Одна из его пьес была даже поставлена в Малом театре.

Анатолий любил слушать разговоры об искусстве и литературе. Но особенно увлекало его, когда кто-либо читал художественную прозу или декламировал стихи. Он весь тогда превращался в слух.

В библиотеке Николая Захаровича было много интересных книг. Анатолий с десяти лет зачитывался описаниями путешествий и приключений, мечтал охотиться на львов, открыть необитаемый остров или совершить полет на луну.

Маленькому Анатолию нравилось бывать у бабушки Прасковьи Семеновны. У нее были две комнаты во Вдовьем доме, где доживали свой век старушки-дворянки. Прасковья Семеновна рассказывала о Надежде Андреевне Дуровой, которую она близко знавала в молодости.

Анатолий много раз заставлял Прасковью Семеновну рассказывать, как Надежда Дурова со своим эскадром

ходила в атаку на французов и сам Кутузов наградил ее после Бородинского боя.

Мальчик разыскал в библиотеке Николая Захаровича записки Надежды Дуровой и прочитал их с начала и до конца, хотя они показались ему скучными. Он читал и другие книжки, в которых говорилось о Бородинском сражении. Николай Захарович, заметив его увлечение военными рассказами и стихами, решил, что это «наследственное», что Анатолий «пойдет по военной дорожке».

Из всего прочитанного Анатолию больше всего нравились стихи Лермонтова. А стихотворение «Бородино» он с двух или трех раз запомнил наизусть и декламировал с большим воодушевлением, так что даже на глазах выступили слезы.

Однажды Николай Захарович заставил его прочитать «Бородино» гостям. Гости прослушали с интересом, может быть, потому, что перед ними стоял внук знаменитой «кавалерист-девицы», и похвалили. Николай Захарович похлопал Анатолия по плечу и сказал, что он пошел в родню и будет военным. Но кто-то из гостей заметил, что мальчик слишком впечатлителен для военной карьеры.

Лермонтовские стихи совершенно очаровывали Анатолия. Потом он взялся за Пушкина и Некрасова. Увлечение стихами оказалось таким сильным, что он и сам начал складывать стихи.

В доме «крестного» жил дальний родственник Павел Павлович, которого все звали дядюшкой и считали чудаком. Он умел дрессировать животных и обучил комнатную собачку Бишку всяким занятным и смешным штучкам. Павел Павлович очень любил животных и только лаской и лакомыми кусочками заставлял Бишку ходить вниз головой на передних лапках и кувыркаться.

Дядюшка говорил, что в цирках дрессированных зверей заставляют проделывать еще и не такие фокусы. Он рассказывал так увлекательно, что Анатолию и Владимиру во что бы то ни стало захотелось самим посмотреть.

Они уже были воспитанниками Первой московской военной гимназии и имели свои карманные деньги, когда первый раз побывали на Девичьем поле, где показывали дрессированных зверей. Уговорившись заранее, братья Дуровы в первый же день масленичного отпуска отправились на Девичье поле.

Еще издалека они услышали многоголосый гул праздничной толпы. Не заезжая в толпу, извозчик остановил лошадь.

— Вылазьте, барчуки, дальше народ не пустит...

Мальчики пошли сквозь толпу веселящегося народа. Прямо в ухо выкрикивали продавцы-лотошники:

— Калачей, калачей! А вот сбитень свежий! Пряников расписных, пряников!

Оглушительно визжали шарманки. Кружились под шарманку карусели. С блаженно серьезными лицами сидели верхом на деревянных карусельных конях здоровенные парни и в расписных ладьях — краснощекие, в пестрых платках, девки.

Братья задержались у ярко размалеванной афиши ближнего балагана. «Стой, народ честной! — зазывала афиша. — Заходи в наш балаган — будешь от веселья пьян! Хочешь не хочешь, поглядишь — захохочешь!» Афиша обещала большую и разнообразную программу: клоуны, акробаты, наездники, силачи, канатоходцы, египетские чародеи.

Братья Дуровы хотели уже взять билеты. Но представление в балаганах начиналось с двенадцати часов. Можно еще потолкаться в толпе и поглядеть на медведя.

Заросший волосами, широкоплечий мужик-поводырь заставлял медведя плясать. Помощник поводыря, запряганный в вывороченный тулуп, с деревянной козлиной головой на длинной палке, продетой в рукав тулупа, изображал козу. Волосатый мужик басом бубнил:

Медведь с козой забавлялись.

Друг на дружку удивлялись.

Медведь с козой подружились,

Плясать вместе научились!

Медведь показывал, как красные девицы румянятся, белятся, в зеркальце глядят. Он садился на утопанный снег, одной лапой тер морду, другую вертел перед собой.

— А ну, Михайло Потапыч, — басил вожак, — покажи, как поп Иван к обедне идет, костью подпирается?.. А как поп Иван с обедни гонит, что попадья не догонит?.. А как бабы на барскую работу идут, и как они с работы бегут?.. А как тетка Ерофевна блины пекла, себе руку обожгла, от дыму угорела?..

Братья хохотали над уморительными проделками медведя и бросили по гривеннику в шапку помощника поводыря, который скинул тулуп и оказался проворным мальчишкой. Они двинулись было вместе с толпой за медведем в другой конец площади. Но в это время зазвонил колокол, оповещающая о начале представления в балагане.

На дощатый помост перед балаганом вышли артисты. Акробаты, клоуны и гимнасты показывали свое искусство, а дед-зазывала с молодыми глазами, румяным, гладким лицом и окладистой льняной бородой выкрикивал в толпу:

Эй, подходи, народ честной и божий,
Крытый рогожей!
За медный пятак
Покажем все этак и так,
Для ваших, братцы, карманов
Сколько понастроили балаганов,
Веселись, веселись,
У кого деньги завелись!..

И в то время как дед зазывал публику, акробаты и клоуны ходили вокруг него на руках и кувыркались.

Вся эта картина, и особенно балаганный дед в шапке-коломенке, в полушубке, обшитом желтой тесьмой, с цветными ленточками на плечах, в ярко-желтых сапогах, показались такими сказочно-занятыми, что Анатолий глядел, разинув рот от восторга. А дед балагурил с хохочущей толпой:

— А знаете, ребята, я в поварах служил. Вот расскажу вам, например, как делать обед на барский манер: первое — суп санте на холодной воде. На второе — пирог из лягушечьих ног. На третье, значит, сладкое, да такое гадкое — не то желе, не то вроде тарту. Меня за него послали к черту...

Дед ушел вместе с акробатами и клоунами в балаган. Толпа повалила к входной двери. Анатолий все еще стоял с разинутым ртом, пока Владимир не толкнул его в бок:

— Пойдем, что ли, возьмем билеты.

— Подожди, — сказал Анатолий, — может, там еще интересней!

Он побежал к третьему балагану.

Перед этим балаганом народ толпился особенно густо. Здесь тоже вышли на помост артисты зазывать публику.

Расталкивая их, волоча громадную потрепанную куклу, плотный пожилой дядька с тугими черными усами на широко смуглом лице орал: «Сторонись, назём, губернатора везем!»

Толпа встретила его появление взрывом смеха и криками: «Яков Мамонтов!»

Дядька с черными, словно из чугуна отлитыми усами бросил куклу и отпустил в толпу несколько крепких шуток и насмешек. Публика не только не обиделась, но встретила их рукоплесканиями. По всему было видно, что этот человек в своем роде знаменитость и любимец толпы. Внешне он совсем не походил на других балаганных дедов: ни льяной подвязанной бороды, ни цветных сапог, ни ленточек на полушубке. Он скорее напоминал мастерового человека. Анатолий глядел на него с почтением и некоторым страхом, может быть, потому, что этот человек показался ему очень смелым, никого, даже губернатора, не боявшимся. У него насмешливо-сердитые глаза и громopodobный голос. Анатолий многое не понял в его прибаутках, но не проронил ни одного слова.

— А знаете, ребята, — гудел этот человек, — какой со мною случай был в прошлую весну?.. Посадил это я у себя в подвале на окне капусту, картошку, морковь и лук. Посадил я всю эту овощь и жду — кто первым взойдет? Ждал-ждал и дождался. Первым взошел квартальный. Взошел и сказал: «Убрать все к чертовой матери!»

— А-ха-ха-ха, квартальный! — залилась радостным смехом толпа. — Ну Яков Мамонтов, он скажет!

Пробивая плечом толпу, к балагану протискивался квартальный надзиратель послушать, что болтает Мамонтов. А тот уже перешел на раешник:

А вот, братцы, покажем вам город Париж,
Что въедешь, то и угоришь.
А есть город хороший Марсель,
Его не видать отсель.
А всех лучше наш город Питер,
Он боярам бока вытер.
Живут там смышленные немцы
И разные другие иноземцы,
Русский хлеб едят
И на нас косо глядят...

Квартальный внимательно слушал. Яков Мамонтов закончил зазывом «Заходи, народ, веселись!» — и скрылся. Вся толпа, стоявшая у помоста, хлынула в балаган. Братья Дуровы купили места поближе к сцене.

Вечером в гостиной Николая Захаровича собрались гости. Анатолий не пошел слушать их разговоры. Вместе с братом они устроили в своей комнате «представление». Сняли с кроватей матрацы и положили на пол, чтобы не так больно было падать, когда становишься вверх ногами на вытянутые руки. Акробатические «номера» сменялись клоунскими. За «рыжего» работал Анатолий. Он повторял на память балаганные остроты, требовал от брата, чтобы тот давал ему пощечины, как это делали клоуны в балагане, и так же, после каждой пощечины, садился с размаху на пол, широко расставив ноги и часто моргая.

Следующие два дня Анатолий и Владимир с утра, после завтрака, отправлялись на Девичье поле, возвращались домой к обеду и вечером устраивали «представление» в своей комнате.

В последний день Николай Захарович спросил братьев, когда они пришли к нему в кабинет поцеловать руку и пожелать спокойной ночи:

— Ну, довольны вы отпуском?

— Довольны! — дружно ответили мальчики.

— Хорошо повеселились? Где были? — спрашивал «крестный», проглядывая столбцы «Биржевых ведомостей».

— На Девичьем поле, в балаганах!

— В балаганах? — Николай Захарович поднял брови, оглядел братьев. — Что же вы там нашли интересного?

— Очень интересно, весело, — сказал Анатолий. — Там акробаты, клоуны, медведь с козой плясали...

В гимназии Анатолий рассказывал про чудеса, какие он видел в балаганах, и давал читать газету «Блин», масленичный балагурный листок, который он купил на Девичьем поле. На первой странице этого листка красовалось изображение ухмыляющегося балаганного деда с широким молодым лицом и большой бородой. Анатолий похвастал, что и сам научился стоять и даже ходить на руках. На переменах после уроков он подтверждал это наглядно и, желая еще больше поразить ребят, сказал, что может пройти на руках через весь рекреационный зал.

Подзадоривая его, товарищи дождались большой перемены и пошли всем классом в зал. Но здесь прогуливался воспитатель. Представление не состоялось.

В двенадцатом часу ночи, когда воспитанники первой военной гимназии должны были крепко спать, дежурный офицер, проходя коридором спального помещения, услышал за дверями одной из комнат необычный в такой поздний час шум. Слышался смех, приглушенный быстрый говор многих голосов. Дежурный офицер тихо открыл дверь и увидел при тусклом свете, висячих керосиновых ламп такую картину.

Ребята не спали. В одних сорочках они сидели и стояли на своих койках. А в узком проходе между койками болтались пятками вверх чьи-то две голые ноги. Дежурный офицер заметил, что ноги довольно быстро перемещались от одной стенки спальной комнаты к другой.

Офицер подошел ближе. Оказалось, что это воспитанник Анатолий Дуров ходит на руках между койками.

— Эт-та что за безобразие?! — уставился офицер на оторопевшего мальчугана. — Эт-та вместо того, чтобы, как полагается, спать, ты ходишь кверху ногами?

Он с негодованием разглядывал малыша.

— Где ты эт-таму безобразию научился? А?.. Ходить ночью кверху ногами? Вместо того, чтобы спать? А?.. Завтра после чая придешь к инспектору!

Анатолий остался в воскресенье без отпуска... Зато в следующее они с братом опять поехали на Девичье поле. И ездили туда каждый отпуск. К концу учебного года братья превосходно ходили на руках и делали сальто с разбега и на месте. Каждую перемену в классе Анатолий удивлял ребят акробатическими трюками. Но в арифметике и других предметах слишком часто получал «неудовлетворительный балл». Преподаватели справедливо находили, что это — результат увлечения цирком, и ставили ему двойки иной раз даже и в том случае, если он их и не заслуживал.

Особенно не взлюбил Анатолия учитель чистописания — большой, очень толстый человек с висячими, какими-то мокрыми, усами. Он преследовал мальчика постоянными насмешками.

— Мальчишка, ты опять стоял на голове? — говорил он, если замечал, что у Анатолия возбужденное и покрасневшее лицо. — Поди стань в угол носом!

И каждый раз на уроке демонстрировал перед классом его тетрадки как пример неряшливости и затем стучал Анатолию в лоб указательным пальцем, повторяя:

— Чем ходить на руках, лучше бы ты их приспособил к писанию.

Николай Захарович так разгневался на Анатолия, что не хотел и видеть его, исключенного из военной гимназии. Отправили мальчика на несколько дней к бабушке Прасковье Семеновне, вроде как бы под домашний арест.

Вечерами старушка раскладывала большой пасьянс и говорила внуку про Надежду Андреевну.

— Нелегко было ей, балованной дамочке, служить в армии. Солдатская жизнь теперь тяжела, а тогда была еще тяжелее. Родные долго ее разыскивали и, наконец, написали царю. По приказу царя ее разыскали, узнали, что она, переодетая в солдатский мундир, служит под чужой фамилией, унтер-офицером, служит со славой. Тогда царь приказал оставить ее на военной службе и перевести в гвардию с фамилией Александров... Вот, Толюша, какая она была женщина. Сказала: «Хочу быть военной» — и добилась своего. Ничего не побоялась, ни перед чем не отступила. Родные думали — срам. А она прославилась.

— А правда, бабушка, что я на нее похож? — спросил Анатолий.

— Похож. Глазами ты прямо в нее... А вот душою, видно, нет, — вздохнула старушка. — Она и в солдатах служила, а ты офицером не хочешь быть.

— Я, бабушка, буду клоуном.

— Клоуном?.. — Прасковья Семеновна, отвлекшись от пасьянса, с удивлением поглядела на Анатолия. — Это еще каким клоуном?

— Клоун, бабушка, — это артист цирка.

— Где же ты их видал?

— В балаганах на Девичьем поле.

— Что ж, и ты балаганщиком хочешь стать?

— Артистом, бабушка! Акробатом и клоуном.

— А вот я скажу крестному — он тебе задаст акробата!

— Пускай. А я все равно буду! Вот увидишь.

— Да я тебя тогда и на глаза не пушу, — рассердилась старушка. — А если ты мне будешь такое говорить, разлюблю, так и знай!

Николай Захарович определил братьев в частный пансион в одном из переулков близ Трубной площади. Братья посещали пансион исправно, однако успехов в науках не делали.

Занятиям в пансионе мешали занятия акробатикой. Цирковую науку братья Дуровы проходили в большом сарае на Чернышевском переулке. Здесь у них были все необходимые в такой науке учебные пособия — трапедия, турник, ходули, специальные матрацы, канат и даже шамбарьер — длинный тонкий хлыст. Считая, что без шамбарьера занятия не будут иметь настоящего циркового характера, Анатолий сам купил его и преподнес «учителю». Это пособие оставляло на спине и плечах жгучие красные полосы. Анатолий просил учителя не стесняться и применять шамбарьер всякий раз, как он найдет это нужным. Учитель Отто Клейс, захудалый гимнаст из балагана, остался очень доволен таким усердием. Цирковая наука без хлыста впрок не идет, а Отто Клейс не хотел получать деньги даром. Он учил добросовестно.

И, наверное, потому занятия в сарае шли очень успешно.

— Ты настоящий ученик, — говорил Отто Клейс Анатолию, — ты хорошо выносишь мой кнут. Из тебя может выйти неплохой гимнаст.

Такая похвала радовала Анатолия. Он краснел от удовольствия и скромно замечал:

— Да ведь я люблю цирк и знаю, что без хлыста нельзя стать артистом.

— О, да! Все дело в кнуте и в терпении. Меня в твои лета каждый день по десяти раз пороли, и я сделался настоящим артистом. А теперь я сам по десяти раз в день порю моих учеников. И ты можешь быть настоящим артистом, если только хватит терпения.

Пожалуй, учитель даже слишком часто пускал в ход свой «кнут». Другой раз у Анатолия выступали слезы, но он терпел и думал: «Ну что ж, пускай бьет. Когда выучусь, сам буду бить!»

Занятия в сарае начались еще когда братья учились в военной гимназии. Но регулярный характер, под руководством Отто Клейса, они получили после исключения из

гимназии. Отто Клейс приходил через день и получал за урок полтинник. Если бы Николай Захарович знал, куда идут карманные деньги братьев Дуровых!

Но чем лучше шли занятия в сарае, тем хуже они шли в пансионе. Здесь братья не успевали по всем наукам. Николай Захарович имел объяснение с директором пансиона и решил понаблюдать за братьями.

Наблюдения привели Николая Захаровича в сарай во дворе при его же собственном доме. Он вошел как раз в тот момент, когда Анатолий, разбежавшись, лихо прыгнул с трамплина через пирамиду из стульев, а Владимир кувыркался на матраце.

Николай Захарович не был гимнастом. Но он был решительным и сильным мужчиной, и хозяином в своем доме. Он схватил «учителя» за шиворот и выставил из сарая вместе с его «кнутом», дворнику же приказал выбросить на свалку все «учебные пособия».

— С вами я поговорю позднее, — пообещал он братьям и уехал в суд, где слушалось дело одного из его клиентов.

После этого разговора братья прекратили занятия в сарае и стали усердно наверстывать упущенное в пансионе. Но Анатолия мучила совесть. Выбрав удобное время, он отправился к «учителю» извиняться за своего приемного отца.

— Он совсем не деликатный, — сказал Отто. — У меня была надета новая визитка, а он хватал прямо за воротник. Таких шуток я совсем не понимаю. Я бы мог и сам немножко погрозить кулаком.

Кончилось тем, что Анатолий стал один заниматься акробатикой на квартире у Отто Клейса.

К пятнадцати годам, благодаря усердию и терпению. Анатолий настолько преуспел в цирковой науке, что мог соперничать с профессиональными гимнастами и акробатами. Летом, когда занятия в пансионе прекратились, Отто предложил:

— Скоро на Девичьем поле будет большой гулянье. Мы будем давать представление на открытой эстраде. Мне нужно три-четыре гимнаста. Я нашел двоих. Третий буду я. Если хочешь, я возьму тебя четвертым.

У Анатолия даже застучало сердце — так он разволновался. Первый раз он выступит перед публикой!

— Я буду тебе давать два рубля, а также водку и закуску, — обещал Отто.

За неделю до гулянья они начали репетировать. Анатолий предложил несколько придуманных им клоунских трюков. Отто посмотрел и похвалил. Накануне выступления Анатолий почти всю ночь не спал — мечтал об успехе, аплодисментах, придумывал комические «антре».

Встав спозаранок, он предупредил домашних, что поедет к знакомому товарищу на дачу, и отправился на Девичье поле.

Был праздник «Духова дня». На украшенную зелеными арками и разноцветными флажками главную площадь стекался народ. В балаганах и на эстрадах готовились представления. В дощатой пристройке под эстрадой Анатолий напятил грязное, захватанное трико; на светлом фоне были намалеваны уродливые рожи. Такой костюм должен был придать его выступлению клоунский характер. Потом Отто усадил своего ученика перед зеркалом и загримировал.

Анатолий с восторгом глядел на себя в зеркало. Рыжий парик, огненно-красная нашлапка на носу, черные круглые пятна у переносья вместо бровей, чудовищно удлинённый рот на густо набелённом лице. Он — артист!

С ловкостью опытного гимнаста Анатолий взобрался на трапецию и раскланялся. Тысячная толпа народа зашумела и засмеялась. Анатолий проделал несколько смелых упражнений, спустился на помост и превратился в эксцентрика-акробата. Толпа зааплодировала. Анатолий опять раскланялся и уступил место партнерам, а сам скрылся в подполье отдохнуть.

Отто сказал: «Ты хорошо работаешь», — предложил водки и был очень удивлен, когда его ученик отказался.

— Как, ты не любишь водку? Не можешь? Какой же ты после того артист?! Водка приносит пользу для укрепления мускулов.

Отдохнув четверть часа, Анатолий опять вышел на эстраду. Так он работал несколько часов и не чувствовал утомления.

Было уже далеко за полдень, когда, окончив свое очередное выступление, он спустился в подполье под эстрадой. Спустился и услышал знакомое и грозное: «Анатолий!»

Перед ним стоял Николай Захарович с полицейским.

— Как тебе не стыдно! — «Крестный» смерил его уничтожающим взглядом. — Сейчас же долой с себя это тряпье!

Отто Клейс поспешил на выручку.

— Он — мой артист. Он заключил условие и должен играть у меня весь день.

— Да, да, — забормотал Анатолий. — Должен, весь день...

— Без разговоров! — загремел Николай Захарович. — Долой с себя тряпье, и марш домой! В противном случае я тебя, вместе с этим немцем, сдам в полицию!

— Что у вас за странные шутки, — заискивающе сказал Отто.

— Это не шутки, любезный, — сурово ответил Николай Захарович. — Это голос отца, сын которого обещает быть беспутным. Впрочем, вы не поймете меня, господин комедиант.

По дороге домой Николай Захарович не сказал ни слова. Анатолий весь сжался, замер, готовясь к предстоящему новому объяснению. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Очень тяжело огорчать самого близкого человека. Но что же делать, если неудержимо тянет в цирк?

Николай Захарович прошел в кабинет, приказав Анатолию явиться тотчас же, как только тот смоет «балаганную грязь».

Спустя полчаса «блудный сын», как его назвала Татьяна Даниловна, стоял в соответствующей позе перед своим приемным отцом.

Анатолий предпочел бы телесное наказание этому объяснению. Больше всего он боялся красноречия, к которому в таких случаях прибегал «крестный».

Некоторое время Николай Захарович молча глядел на привычно потупившегося Анатолия.

— Что же мне с тобой делать? — сказал он наконец. — Отдать в исправительный дом?.. Ты начал лгать, обманывать! Сказал, что едешь на дачу к товарищу, а сам удрал в балаган и ломался на потеху черни, как последний шут. Ты свел близкое знакомство с подозрительным сбродом. Отсюда недалеко и до воровства.

Анатолий вспыхнул, поднял голову, взглянул прямо в глаза «крестному».

— Прошу не оскорблять меня!

— Молчать!.. Понимаешь ли ты, что позоришь не только себя и меня? Ты позоришь старинную фамилию Дуровых, память твоей бабки Надежды Андреевны. Подумал ты об этом?

— Чем же я позорю? — тихо сказал Анатолий, стараясь проглотить клубок, подкативший к горлу.

— Это ли не позор: кривляться на потеху пьяной черни с размазанной рожей?! Тебе надо заниматься науками, а ты надеваешь грязное шутовское тряпье и ломаешься в балагане! Тебе скоро шестнадцать лет. Ну, скажи мне, что из тебя выйдет? Кем ты думаешь стать?

— Я буду цирковым артистом.

— Цирковым артистом, — повторил Николай Захарович. — Шутом! Клоуном!

— Да.

— Вздор! — «Крестный» встал из-за стола, подошел к Анатолию.

— Я приказываю тебе выкинуть из головы этот вздор! Клоун — это тунеядец, живущий тем, чтобы казаться более глупым, чем он есть на самом деле. Жизнь клоуна бесполезна, а тебе надлежит быть сыном твоей родины, быть ее просвещенным деятелем и приносить ей пользу. Ты должен служить отечеству.

Николай Захарович стыдил, упрекал, грозил лишить материальной поддержки и выгнать из дому. Под конец он стал убеждать.

— Если тебя тянет к искусству, — говорил он, — иди в театральную школу. Ты любишь стихи, у тебя хороший голос и прекрасная память. Я могу устроить тебя в школу Малого театра.

Николай Захарович подметил, что это предложение оказало свое действие. На подвижном лице Анатолия отразилось какое-то волнение. Глаза его заблестели.

— Подумай хорошенько, — продолжал Николай Захарович. — Если ты желаешь войти в мир настоящего искусства, я тебе помогу стать драматическим артистом. Цирк — не искусство. Служителей цирка не считают артистами. Цирк — презренное, пустое ремесло, а циркачи — отверженцы общества. Пойти служить в цирк — это значит поставить себя вне общества, опуститься на дно. Циркачам порядочные люди не подают руки. Грязь, разврат, пьянство, моральная и физическая гибель, преждевременная смерть в ночлежном доме или на улице под

забором — вот удел служителей цирка. От этой участи я хочу и должен тебя спасти!

Николай Захарович был серьезно обеспокоен. О младшем своем приемыше он заботился не только по обязанности воспитателя или из чувства долга перед его покойными родителями. Николай Захарович любил этого жизнерадостного мальчика с темно-карими, ласковыми глазами. Старший, Владимир, как-то более замкнут. Николай Захарович по-отечески заботился о них обоих, но чувствовал все растущую привязанность к младшему.

Теперь ему показалось, что он нашел подходящий путь для Анатолия. В самом деле, почему бы мальчишке не поступить в театр? У него слишком живой, впечатлительный темперамент. Его тянет к искусству.

Итак решено: Анатолий подготовится в театр. Он будет заниматься дома по программе театральной школы.

Слушая Николая Захаровича, Анатолий думал, что нехорошо огорчать человека, который так заботится о его будущем. Жаль только, что «крестный» не любит цирка.

В угоду «крестному», Анатолий старался побороть «пагубную страсть». К нему на дом стали приходить учителя. Но часто среди лекций и объяснений мысли его уносились далеко. Он думал: почему цирк — презренное ремесло, а не искусство?.. Если цирк — презренное ремесло и артисты цирка не артисты, а отверженцы общества, почему в цирке всегда полно зрителей?.. Почему тот, кто идет служить в цирк, обязательно должен опуститься на дно и погибнуть морально и физически?..

Он обращался с этими вопросами к дядюшке, но тот, уклоняясь от прямого ответа, говорил, что надо слушать Николая Захаровича и делать, как он говорит. Так Анатолию и не удалось узнать — презренное ремесло цирк или нет? Однако по выражению его лица Анатолий понял, что Павел Павлович не разделяет мнения Николая Захаровича, но не решается об этом прямо сказать.

Николаю Захаровичу очень не понравилось, когда Анатолий сказал ему однажды, что они с братом Владимиром взяли билеты в новый цирк на Цветном бульваре. Внимание москвичей было привлечено к этому цирку. Все говорили, что он не уступает цирку Чинизелли в Петербурге и что обязательно нужно посмотреть его представления.

— Вредно тебе бывать в цирке, — заметил Николай Захарович, — опять захочешь стать клоуном...

Братья Дуровы никогда еще не видели такого представления. Оно развешивалось прекрасным, полным блеска, изящества, силы и ловкости зрелищем в огромном, многоярусном, ярко освещенном и хорошо натопленном круге циркового здания.

Все, что представляли артисты, нравилось братьям. Но больше всего им понравилась клоунада.

Пара клоунов разыгрывала мимическую сцену. Первый предложил второму состязаться в меткости, дал ему держать большую, в человеческий рост, куклу, сидящую в ящике на пружине, и стал бросать в нее мячи, целясь в лоб. Служитель вызвал первого клоуна с арены. Пока его не было, партнер, рассматривая куклу, нечаянно сломал ее. Чтобы как-нибудь выйти из положения, он уселся сам в ящик. Возвратился первый и опять начал кидать мячи; затем, в азарте, выхватил пистолет и прицелился партнеру в лоб. Второй клоун опрометью выскочил из ящика и в диком испуге пустился бежать вокруг арены, а первый гнался за ним, стреляя холостыми зарядами.

Клоуны играли эту сценку с такими потешными гримасами, что весь цирк, снизу доверху, смеялся.

В блестящих костюмах, под звуки фанфарного марша вышли двое мужчин и женщина. Они виртуозно играли на колокольчиках, бубенцах, сковородах и широких пилах популярные мелодии, исполняя при этом комические танцы и акробатические трюки.

Пока готовился следующий номер, публику развлекал «коверный». Объяснив, что он фокусник и может в пять минут приготовить печенье, он взял у одного из зрителей, сидевших во втором ряду, шляпу и стал сыпать в нее муку, бить яйца, лить воду и мешать все это палочкой. Под конец она приняла самый жалкий вид, а печенье все не получалось. Хозяин шляпы, хорошо одетый господин, начал скандалить, и тогда оказалось, что шляпа была подменена.

Братья увидели знаменитого дрессировщика Танти-Бедини. Свинья танцевала вальс, прыгала через огненные обручи, ходила на задних ногах. Все ее трюки Танти сопровождал коротенькими остроумными репликами. Танти-Бедини привел братьев Дуровых в восхищение. Они аплодировали изо всех сил и кричали «браво» и «бис» так громко, что публика стала на них шикать. Анатолий не помнил

себя от восторга. Ах, какое счастье быть своим среди этих артистов! Хотя бы только ковры расстилать для Танти...

Анатолий вернулся домой в полном смятении. Разве можно назвать презренным ремеслом прекрасное и веселое мастерство артистов, которое он видел? «Нет, крестный не прав, — думал Анатолий, — цирк — замечательное дело, и цирковые артисты — замечательные, смелые люди. Жаль только, что в цирке мало говорят... Обязательно сделаюсь цирковым артистом, если не клоуном, то акробатом и гимнастом. Надо только твердо стоять на своем и ничего не бояться, как бабка Надежда Андреевна. Ей было труднее. Она была слабая женщина, а ушла служить в солдаты. Солдатская жизнь — самая трудная, а она не побоялась, потому что любила военную службу... А я все-таки мужчина и больше всего люблю цирк...»

Старший брат разделял настроение младшего. Братья решили при первом подходящем случае уйти в цирк.

Они стали копить карманные деньги и в большом секрете возобновили гимнастические занятия под наблюдением фокусника и жонглера Ринальдо.

В скором времени этот Ринальдо собрался в Тверь к некоему Вайнштоку, который набирал труппу для своего балагана.

Татьяна Даниловна, супруга Николая Захаровича, очень удивилась и даже испугалась, когда Анатолий и Владимир явились к ней и сказали, что будут говорить по очень важному делу.

— Мы сегодня уезжаем в Тверь... — начал Владимир.

— В какую Тверь? Кто уезжает?

— Я и Владимир, в Тверь, которая недалеко от Москвы. Мы будем там работать в цирке на ярмарке! — выпалил одним духом Анатолий.

— Что ты! Что ты! — замахала на него обеими руками Татьяна Даниловна. — Не смей!.. Что скажет Николай Захарович?!

— Вы уговорите его...

— Не смей, не смей! Подождите, когда вернется отец.

Николай Захарович в это время находился в Петербурге, на судебном процессе. Случай для побега в цирк был самый подходящий.

— Мы уже договорились и должны сегодня ехать.

— Я не позволяю, не позволяю! Что скажет Николай Захарович! Да он после этого, несмотря на свою доброту,

и знать вас не захочет!.. Прошу тебя, Анатолий, не огорчай отца, он и так за тебя болеет душой.

Татьяна Даниловна обращалась к Анатолию, так как считала, что он зачинщик.

— Мама крестная, дорогая мама, — говорил Анатолий, — мне очень, очень тяжело огорчать вас и отца. Но поймите, я не могу, меня тянет в цирк! Я хочу быть артистом. Так и передайте крестному, что я иначе не могу жить!

Татьяна Даниловна всхлипнула, вытерла глаза душистым платочком.

— И брата совращаешь, блудный... Еще, добро, устроились бы здесь, в Москве, в настоящем цирке. А то ведь попадете в грязный балаган.

— В театр, мама крестная.

— В балаган. На ярмарках бывают только балаганы.

— Не в балаган, а в театр!

Анатолий называл «театром» балаган закрытого типа, с крышей, сценой и занавесом.

Татьяна Даниловна была мягкосердечна. Братья упростили ее «подготовить» Николая Захаровича, уговорить, чтобы он не обращался в полицию. Она же собрала их в дорогу и дала денег.

НА ПОДМОСТКАХ БАЛАГАНА

Доводится до сведения всех служащих: если кто-нибудь будет грызть семечки в цирке, или войдет в цирк с раскрытым зонтиком, то сейчас же получит расчет...

Первая часть объявления была понятна: сорить семечками — безобразие. Но при чем — раскрытый зонтик? Какое отношение это имеет к борьбе за чистоту в цирке?

Очень скоро Анатолий узнал, что семечки и раскрытый зонтик предвещали убыток. Нельзя было также сидеть на барьере спиной к зрительному залу. Ни в коем случае нельзя продавать первый билет женщине или даже девочке — верное падение сборов, а то и полный крах!

В этом отношении господин Вайншток не отличался от балаганщиков, хотя он терпеть не мог, чтобы его предприя-

тие называли балаганом; он требовал от артистов, чтобы они говорили «цирк», а его называли «господин директор» или «господин Вайншток».

Снаружи и внутри балаган господина Вайнштока очень похож на балаганы Девичьего поля. Так же сколочен из досок. Разве только побольше размерами да крыша тесовая, а не из мешковины. Сцена отделена от мест для публики красным кумачовым занавесом; скамьи первых двух рядов тоже обиты кумачом. Стены оклеены старыми афишами.

Для жилья господин Вайншток предоставил артистам «бесплатное помещение», напоминавшее барак. Большая темная и грязная комната разделена тонкой перегородкой. В одной половине — мужчины, в другой — женщины и дети.

В мужской половине поместилось шестнадцать человек. Кроватей и мебели не полагалось.

Тяжеловато пришлось братьям Дуровым на профессиональном артистическом положении. Большинству артистов это было не в диковинку. Они укладывались спать на голом полу. Иным подушку заменяло полено, завернутое в тряпье. Татьяна Даниловна предусмотрительно дала Анатолию и Владимиру подушки и теплые шелковые одеяла. По этой причине товарищи-артисты с первого же дня стали дразнить их «барчуками». Обидно, но что поделаешь? Анатолий и Владимир не привыкли спать на голом и грязном полу.

Балаган господина Вайнштока стоял на базарной площади. Первое время, до открытия осенней ярмарки, всем без исключения артистам пришлось достраивать балаган. После репетиции строили «раус» — балкон для рекламных выступлений.

Проработав целый день, артисты к вечеру собирались у себя на квартире, усталые, озябшие, закусывали «чем бог послал» и засыпали на полу, часто даже не раздеваясь. Многие артисты в балагане господина Вайнштока не имели паспортов.

Братьев Дуровых очень заинтересовал «каучуковый человек» Юматов. Он был знаменитостью и много лет служил в больших цирках. Его «школу гибкости» прошли многие известные акробаты. Юматов давно привык спать где придется и не раздеваясь. Взамен подушки он подкладывал под голову собственные ноги: сначала поспит на

одной; устанет нога, отлежится — Юматов повернется на другой бок и подложит под голову другую ногу. Он так удобно располагался на своей ноге, что другие артисты ему завидовали, пытались подражать, но у них не выходило.

Юматов пил, но был человеком смирным, рассудительным и часто рассказывал интересные случаи из своей цирковой практики. Он не дразнил братьев Дуровых барчуками, но советовал уйти из балагана.

— Экие вы, ребята, нежные да холеные, — однажды сказал он братьям. — Не место вам здесь. Уходите, если желаете себе добра. Послушайте моего доброго совета, а то пропадете. Вы еще ребята молодые, приспособитесь к какому-нибудь хорошему делу. Езжайте домой, в Москву, если не врете, что в Москве у вас есть дом.

На первой же репетиции Анатолий увидел, что он не самый молодой в труппе Вайнштока. Младшему партнеру в семействе акробатов Лара было всего шесть лет. Репетируя, папаша Лара ложился навзничь на матрац, брал ногами мальчика и усаживал на свои ступни. Мальчик сидел, как замороженный, глядя перед собой в одну точку, ожидая команды. «Ап!» — папаша подбрасывает его. Сыннок делает сальто и падает сиденьем на ступни папаши... В третий раз мальчик, видимо, отвлекаясь: сделав сальто, он упал на левую ступню и свалился на пол. Папаша встал и пустил в дело хлыст. Малыш снова трижды повторил свое сальто, на этот раз без промаха. Эту сцену молчаливо и строго наблюдали мамаша и дочка Лара.

«Акробаты-эксцентрики Вольдемар и Анатолий», как именовались братья Дуровы на афише, участвовали в рекламных представлениях, помогали зазывать публику. В день первого представления Анатолий очень волновался. В их номере было много словесности. Они подготовили монолог и комическую сценку. Что если публика не примет?.. Владимир держался спокойней.

Анатолий так переживал свое предстоящее первое выступление в роли клоуна, что даже не обратил внимания на то, что пришлось готовиться к выходу — переодеваться и гримироваться — в одной общей артистической комнате, вместе с женщинами. Хозяин и в этом случае применил крайнее упрощение условий.

Наконец господин Вайншток, взявший на себя обязанности распорядителя, объявил:

— Акробаты-эксцентрики Вольдемар и Анатолий!

Держа руки в карманах, широко шагая, на подмостки вышли две невероятно длинные и совершенно одинаковые фигуры, в полосатых до земли панталонах, в коротеньких узких сюртучках, с цветными шляпами-котелками на голове. На густо забеленных лицах резко выделялись красные удлиненные рты и очень живые темные глаза.

Длинные фигуры сняли котелки и представили публике друг друга:

— Вольдемар!

— Анатолий!

Подражая деревянным голосам профессиональных клоунов, Анатолий сообщил «к сведению уважаемой публики», что он и его брат — близнецы и являют собою в некотором роде чудо природы.

— В первый же день после нашего появления на свет мы начали очень быстро расти. Пяти лет мы были ростом с папу, а десяти — с самого высокого человека в Москве. Доктора не могли найти объяснения такому ненормально быстрому росту, тем более, что мы не толстели, а только неудержимо тянулись вверх. Родители хотели отдать нас в паноптикум для всеобщего обозрения. Но мы не согласились, ушли в цирк и сделались акробатами.

Братья прогуливались по сцене, чтобы публика могла лучше их обозреть.

— Почтеннейшая публика, наверно, сомневается, — продолжал Вольдемар, — как могут люди с такими длинными ногами заниматься акробатикой? А вот как, смотрите!

И братья, разом бросив ходули вместе с панталонами, в которых они были скрыты, прыгали на сцену и шли по ней колесом.

Публика засмеялась и дружно зааплодировала.

После такого удачного выхода все, что показывали Вольдемар и Анатолий, хорошо принималось зрителями. В первом и втором отделении между акробатическими трюками братья развлекали публику сценками.

— Знаешь, Анатолий, — обращался к брату Вольдемар, — я забыл тебе сказать: тебя ищет полиция.

— Меня ищут в больницу? — удивлялся Анатолий. — Зачем? Я здоров.

— Не в больницу, а в полицию. Тебя хотят забрать в солдаты. Будешь служивый!

— Буду с пружиной?! — еще больше изумлялся Анатолий. — А кто меня будет заводить?

— Тебя будут учить военным артикулам.

— А-а, меня будут учить с дворником Микулой! Знаю, знаю его...

Эту сценку братья заимствовали у клоунов Девичьего поля, сократив и значительно изменив ее. Сценка имела успех. Публика встречала смехом каждую реплику Анатолия.

Понравилась зрителям и пантомима «Лекарство от несчастной любви». Таким лекарством оказалась касторка, которую Вольдемар предложил влюбленному Анатолию. Анатолий строил гримасы, хватался за живот, давал пощечину Вольдемару и гонялся за ним по сцене.

Публика несколько раз вызывала братьев. После представления господин Вайншток похвалил:

— Недурно. Я буду вас держать в моем цирке.

Лошадиное лицо директора и вся его сухая фигура в черном сюртуке в первый раз показались Анатолию симпатичными.

— Не хочешь ли участвовать в моем номере? — спросил Анатолия на другой день на репетиции акробат Лара. — Ты способный эксцентрик. А мне для моего номера нужен комик.

Предложение опытного акробата польстило Анатолию. Кроме того, ему нравились хорошенькие глазки дочки Лара. Она стояла тут же и серьезно смотрела на Анатолия. Однако он сказал:

— Я работаю с братом.

— Если ты хочешь, чтобы хозяин платил тебе деньги, иди в мой номер, — сказал Лара.

— Я подумаю, — ответил Анатолий.

Он ничего не сказал Владимиру, так как решил, что не подведет его. Но заинтересовался, что думает об этом фокусник Ринальдо.

— Кем ты хочешь быть? — спросил Ринальдо, — акробатом или клоуном?

— Клоуном, — сказал Анатолий.

— Тогда не советую принимать предложение Лара. Его номер построен на точном расчете, требует постоянного внимания и тренировки. Ты будешь у него эксцентриком-акробатом, но никогда не станешь клоуном.

Господин Вайншток выжимал из своих артистов все, на что они были способны. Каждый день с утра братья Дуровы репетировали, выступали на раусе, зазывая ярмарочную толпу в балаган; потом участвовали в нескольких представлениях.

Поздно вечером они приходили в общежитие измученные; не раздеваясь, завертывались в одеяла и засыпали как убитые. Бытовая неустроенность, постоянное утомление, холодное, грязное общежитие — это бы еще ничего. Они очень молоды, здоровы и готовы ради цирка мириться и с холодом и с грязью. Гораздо тяжелее молодым, постоянно занятым гимнастическими упражнениями людям чувствовать голод. Деньги, с которыми братья приехали в Тверь, вышли. Дважды они обращались к директору. Дважды он отказал им, хотя уже истек месяц с того дня, как они вступили в труппу. В третий раз господин Вайншток дал на двоих пять рублей, но при этом сказал:

— Вы спрашиваете у меня денег? Что ж, вы полагаете, я вас на одну ярмарку взял?.. Нет, вы послужите, а я буду смотреть, сколько вы заслуживаете. Вам бы ночевать в цирке, а я вас хорошей комнатой балую. Это — как? Ни во что считаете?..

Деньги мгновенно разошлись. Братья продали на базаре свои шелковые одеяла.

— Так дальше жить нельзя, — решил Владимир, когда Вайншток еще раз отказал. — Я не хочу умереть здесь с голоду. Надо возвращаться в Москву.

— Как мы вернемся, если у нас нет денег на дорогу и нечего продать? — заметил Анатолий.

— Очень просто, — по шпалам.

— Может быть, как-нибудь перетерпим?.. Должен ведь он когда-нибудь уплатить...

Разговор этот происходил ночью в общежитии. Братья не могли заснуть от переутомления.

— Нет, я больше не могу. Ну его к черту! Хватит, наголодался, в баню не могу сходить.

— Эй, барчуки! — раздался в темноте чей-то сердитый голос. — Не мешайте людям спать.

Братья долго молчали, взволнованные разговором.

— Ну как? — зашептал Владимир. — Уходим?

— Не знаю... Мне кажется, можно еще немножко потерпеть. Сборы хорошие.

— Все равно не будет платить... Завтра утром еще раз

поговорю с Вайнштоком, и если откажет, уйду. Продам свою подушку и уйду один. А ты оставайся, работай на него.

Владимир ушел в Москву. Анатолий остался и терпеливо переносил грязь, холод и голодовку. Зато он получал здесь настоящую цирковую школу. Публика хорошо принимала его. Он готов был переносить любые лишения ради чудесных минут, когда зрители шумно аплодируют, кричат «браво» и вновь и вновь требуют выхода на подмостки.

Признали его своим и товарищи по труду и лишениям. Признали и даже полюбили за веселый общительный нрав, за сердечную отзывчивость и готовность делиться последним. Среди товарищей встречались всякие люди. Но все они были артисты по призванию, простые русские люди, хотя и выступали под итальянскими и французскими именами.

Анатолий дружил с клоуном-жонглером Мишей, простодушным парнем лет девятнадцати. Мальчишкой Миша учился сапожному мастерству и сбежал от сапожника в балаган. Он едва умел читать и писать, но очень талантливо жонглировал и подражал людям, животным, птицам.

Анатолий представлялся Мише существом необыкновенным. Барчук, образованный, прочитал много книг. Миша старался поближе сойтись с Анатолием, позаимствовать от него учености. После ухода Владимира Дурова Миша занял его место в паре с Анатолием. На афише рекламировались «акробаты-эксцентрики Мишель и Анатоль».

Чаще всего они, конечно, разговаривали о цирке. Анатолий рассказал Мише содержание романа «Братья Земгано». К его рассказу прислушивались и другие артисты.

— Что ж, такое, наверно, бывает, — заметил Миша, когда рассказ был окончен.

— Все это выдумки! — откликнулся Костя Богомолов, гимнаст и силач, выступавший под псевдонимом «Костанди». — Выдумки. Мы, цирковые, должны дружно жить. У нас такая работа, что надо беречь друг друга.

Кто-то поддержал. Кто-то возразил. Артисты заспорили. Но мнение большинства было на стороне Кости Богомолова. Разговаривали до глубокой ночи.

Товарищи учили Анатолия, как надо приспособляться к условиям, если «хозяин» не платит денег. В свобод-

ные часы они устраивали в трактирах «экстраординарные представления» и обходили зрителей, собирая пятиалтынные, гривенники и пятаки. Выручку делили по-братски, поровну. Анатолий не видел в таких представлениях ничего зазорного.

Но однажды в питейном заведении купца Егина базарные торгаши напоили артистов и стали потешаться над ними, предлагая за двугривенный пить деревянное масло и керосин, глотать горчицу и толченый перец. К великому удивлению и негодованию Анатолия, среди его товарищей нашлись охотники и на такой заработок.

Он не стал пить водку и ушел из трактира.

Вечером в общежитии перепившиеся «циркачи» шумели, ругали Анатолия за нетоварищеский поступок. На другой день они проснулись разбитые, больные, репетировали вяло, бранились. Анатолий заметил Юматову:

— Не надо было вчера пить керосин.

— Молчи, щенок! — первый раз грубо обругал его «каучуковый человек». — Что ты можешь понимать, мальчишка?! И зачем ты вообще лезешь в цирк, если гнушаешься товарищей?

Анатолий растерялся — такой бранью осыпал его всегда хорошо к нему относившийся Юматов.

На помощь Анатолию пришел Миша.

— Ну что ты его ругаешь, — остановил он Юматова. — Малый он неплохой, и товарищ тоже! Что ты накинул? Что он обидного тебе сказал?

— Что? Что?.. Понимать нужно, а он учит... У меня нет в Москве папы и мамы. Я и двугривенному рад, — бормотал Юматов. — Понимать нужно.

Миша водку в трактире пил, но пьяным не был и потешаться над собой не позволил. Вернулся он в общежитие вместе с другими. После ссоры с Юматовым, в перерыве на репетиции, Миша, к слову, разъяснил Анатолию его ошибку.

— Можешь не пить, но оставлять пьяных и слабых товарищей не годится. Мало ли что может выйти. И не надо тоже упрекать больного человека.

Анатолий промолчал. Но в душе признал справедливость этого замечания. После репетиции он подошел к Юматову, извинился.

«Да уж, — думал Анатолий, — если я хочу стать настоящим цирковым артистом, я должен разделять жизнь

своих товарищей, а не отделяться от них. Пьют водку, глотают деревянное масло и горчицу на потеху пьяным торгашам? Это от тяжелой жизни, оттого, что Вайншток не платит денег... Но они любят цирк, преданы ему и готовы ради него на все лишения».

И он оставался с товарищами в трактирах до конца.

В том же заведении Егина выступала иногда и «мамуазель Лара», как ее представляли публике, или Варя Колесова, как значилось в ее паспорте.

Она не была дочкой акробата Лара. Он взял ее маленькой девочкой на воспитание и обучение, заплатив небольшой выкуп многодетным беднякам-родителям. Об этом Варенька сама рассказала Анатолию. С детства она прошла суровую жизненную школу акробатки, обязанной работать на своего воспитателя.

Варенька была добра, скромна и приветлива. Анатолий находил ее также и очаровательной. На представлениях он из-за кулис глядел с замиранием сердца, как она, в трико телесного цвета, улыбаясь и посылая в публику воздушные поцелуи, с удивительной легкостью и изяществом проделывает рискованные трюки на вершине лестницы, которую балансировал, лежа на спине, папаша Лара.

Варенька «делала успех» номеру Лара, приносила своему воспитателю доход. Этого, однако, ему казалось мало. Он посылал ее в трактиры на дополнительный заработок.

В одном из «экстра»-выступлений к Вареньке пристал с любезностями какой-то хорошо одетый купчик — «тип», как определил его Анатолий. Купчик шибко кутил с приятелями в помещении для чистой публики. Он держал Вареньку за руку, уговаривал присесть с ними и выпить шампанского, а когда она отказалась, схватил за талию и пытался усадить к себе на колени. Варенька вырвалась; купец опять поймал ее за руку. Варенька оглянулась на товарищей, ища заступничества. Анатолий стал между ними.

— Ты чего? — уставился на него купчик.

— Ведите себя приличней! — сказал Анатолий.

— Пшел прочь! — «Тип» снова попытался поймать Вареньку. Анатолий отбросил его руку.

— Щенок!! Размозжу! В лепешку!

Купчик развернулся ударить. Анатолий схватил на лету его руку повыше кисти и отбросил так, что тот едва устоял на ногах.

— Канальи! Каторжники! — заорал он. — Разобью вдрызг!

Его приятели повскакали из-за столов.

— Ребята! — крикнул один. — Бей актерщиков! Луи шантрапу, сукиных сынов, жуликов!..

Начавшуюся свалку остановил Костя Богомолов.

Он встал перед разбушевавшимися торгашами, прикрыв собравшихся за его плечами «циркачей».

— Господа, — сказал он, — я не могу допустить, чтобы били моих товарищей, которые не начинали скандала. Вы приезжие? Не знаете меня? Я — феноменальный силач. Играю пятипудовыми гирями, как мячиками. Сколько вас? Семь человек? — Он вытянул правую руку. — Вы все вместе не сможете согнуть одну мою руку. Вы должны понять, что драться со мной невозможно.

Приезжие купчики слушали Костю, выпучив глаза. Их ярость уступила место невольному почтению, какое русский человек всегда питал к богатырской силе.

— Вот черт! — сказал тот, кто первый крикнул «бей актерщиков!» — Этот, чего доброго, изувечит.

Поругиваясь, компания отошла к своим столикам. Но франтоватый купчик продолжал шуметь, угрожая полицией, ругал хозяина, который пускает «всякий сброд».

Пришлось «циркачам» покинуть заведение, не заработав ни гроша.

На другой день Анатолия вызвали в полицейскую часть. С ним пошли несколько товарищей.

Полицейский пристав не хотел слушать объяснений. Он кричал на Анатолия:

— Ты, негодяй, оскорбил уважаемого коммерсанта! Я прикажу тебя выпороть! Ты у меня насидишься в холодной!

Только «штраф», внесенный Вайнштоком, смягчил пристава. Все же Анатолий несколько часов отсидел в «холодной»...

Господин Вайншток действовал не из гуманных соображений. Публика любила «эксцентриков» Мишеля и Анатолия, и выход Анатолия из программы мог отразиться на сборах.

Анатолий болезненно перенес унижение в полиции. С детства ему прививали высокое понятие о чести. Его мучило сознание, что он, ни в чем неповинный, отсидел в «холодной», что пристав мог подвергнуть его еще более

унизительному наказанию, и он дрожал перед этим бесчестившим его полицейским, не смея слова сказать в свою защиту. Он видел, что и его товарищи оробели. Даже силач Костя говорил с приставом заискивающе-почтительно, упрашивал сменить гнев на милость. А пристав грубо кричал на них, как если бы они были не артистами, а самими последними людьми.

Всегда веселый, беззаботно переносящий нужду, Анатолий помрачнел, осунулся, перестал каламбурить и смеяться.

Утешила его немного Варенька.

— Бедный Анатолий, — сказала она, — вам досталось за меня... Однако какой вы сильный! Как ловко вы справились с тем нахалом.

Варенька улыбнулась, и Анатолий не мог не отозваться улыбкой.

— Скажите, — вдруг спросила она, — почему вы не хотите войти к нам в номер?

— А вы бы хотели, чтобы я вошел?

— Да, — просто сказала Варенька.

Они глянули друг другу в глаза, и оба смутились и покраснели.

ПОБЕГ ОТ ВАЙНШТОКА

Анатолий со своим партнером Мишей отрабатывали новые сценки с акробатикой, жонглированием и разговором. Номер обещал быть удачным. Вечером они должны были показать его зрителям.

После репетиции Анатолий в приподнятом настроении подбежал к умывальнику в артистической уборной и в том же шутовском тоне, в каком вел комическую разговорную сцену с Мишей, крикнул случайно находившемуся здесь директору:

— Господин Вайншток, полейте-ка мне на руки, да поживей!

Господин Вайншток был серьезным, не понимавшим шуток, немцем. Такое обращение показалось ему кощунственным нарушением его хозяйского авторитета. Он подошел и деловито дал Анатолию пощечину.

— Ты свинья, — сказал он. — Я буду тебя учить, как надо уважать твоего хозяина, который спас тебя от тюрьмы.

Пощечина и напоминание о полиции мгновенно погасили радостный задор. Несколько секунд Анатолий растерянно глядел на Вайнштока. Потом молча вышел из артистической.

Весь день он не появлялся ни в общежитии, ни в балагане. Перед вечером пришел домой пьяный.

— Так вот, господа артисты, — обратился он к отдыхавшим товарищам, — я ухожу от вас. Кто купит по дешевке мою подушку и атласные костюмы?..

Он не шутил и быстро продал свое тряпье. Миша пробовал его остановить, но Анатолий не стал слушать, положил вырученные медяки в карман, попрощался со всеми, расцеловался с Мишей и ушел. Миша видел, что Анатолий пьян, и надеялся, что, протрезвясь, он вернется к представлению.

Но вечером в балагане его не оказалось. Господин Вайншток разгневался, послал в общежитие, приказав тащить его силой, если не захочет добром. В общежитии Анатолия не нашли.

Пришлось объявить о замене номера эксцентриков Мишеля и Анатолия. Публика зашумела, раздались свистки. Вайншток успокоил зрителей, посбещав, что господин Анатоль выступит в следующем отделении.

Миша вызвался разыскать и привести беглеца.

Он нашел Анатолия в одном из базарных трактиров. Анатолий показывал здесь фокус с тремя исчезающими шариками. Он был уже совершенно трезвый.

— Идем скорей, — сказал Миша. — Публика ждет!

— Нет, — возразил Анатолий. — С Вайнштоком у меня кончено.

— Брось ты его к черту! Мы работаем для публики. Для чего же мы готовили новый номер?..

— Нет, с Вайнштоком кончено, — решительно отрезал Анатолий. — Да, пожалуй, и вообще с цирком... Не уговаривай, все равно не пойду. Прощай, больше не увидимся.

— Что ж, и в общежитие ночевать не придешь?

— Зачем же, если я больше не служу у Вайнштока. Переночую на вокзале и утром уеду. Вот собираю деньги на билет. Прощай!

Анатолий ушел из барского особняка в балаган по неборимому влечению сердца, с твердой верой, что он будет учиться самому веселому, самому увлекательному из всех искусств — искусству цирка. Цирковая среда представлялась ему содружеством талантливых и преданных общему, горячо любимому делу людей. В таком содружестве есть старшие и младшие, мастера и начинающие, директора и служители. Но все они — товарищи по труду, делающие одно общее дело. Поэтому Анатолий не считал зазорной для себя никакую работу в балагане Вайнштока. Наряду с другими артистами он сколачивал раус, писал и расклеивал на заборах и тумбах рекламные афиши, помогал в уборке и чистке помещений. Он постоянно слышал, как его товарищи ругают Вайнштока за то, что тот не выполняет условий, не платит денег. Но Анатолий был далек от мысли, что директор злостно эксплуатирует тяжелый труд артистов и наживается на их лишениях. Это просто не могло еще войти в его светлое юношеское сознание. Ему представлялось, что директор балагана только потому директор, что он так же, как Анатолий и другие артисты, очень любит искусство цирка. Поэтому, не получив и пятнадцати рублей за два месяца работы, Анатолий не склонен был обвинять Вайнштока в том, что приходилось жить впроголодь. Он думал: директору нужны средства, чтобы начать с будущей весны настоящий, большой цирк с ареной и конюшнями. В этом цирке будет служить и Анатолий Дуров. Ради общего дела можно потерпеть.

Пощечина и брань рассеяли иллюзии. Анатолий понял, что Вайншток считает его низшим, «свиньей», а не товарищем. Значит, нет общего дела... Если так, то незачем больше и голодать, жить в грязи и холоде. Значит, с балаганом Вайнштока кончено.

Денег, вырученных за продажу тряпья и фокусы, далеко не хватало на билет до Москвы. Быстро темнело. Измученный, продрогший Анатолий пришел на станцию, рассчитывая уехать зайцем. Со станции его дважды прогнали сторожа, пообещав «изуродовать» и «отправить в часть», если явится в третий раз.

Надо было во что бы то ни стало набрать денег на билет. Неподалеку от вокзала стоял кабак. Анатолий забежал туда. В кабаке многолюдно, шумно, пьяно.

— Внимание, господа! — крикнул он.

На него оглянулись. Анатолий опрокинулся на руки и пошел вниз головой.

Галдеж затих, посетители кабака заинтересовались неожиданным представлением. Потом посыпались грубые шутки. Целовальник сказал:

— Обойди почтенную публику, может, гривну и заплачешь.

Но Анатолий решил показать «почтенной публике» еще и фокус с шариками. Фокус зрители встретили неодобрительно.

— Ловкий жулик! — крикнул один. — Эдак он и деньги из кармана, не заметишь, вытянет!

И кто-то так крепко щелкнул Анатолия по затылку, что слезы выскочили у него из глаз, шарики — из рук, и он сам опрометью вылетел из кабака.

Уже на улице его догнал какой-то старик, по виду из отставных солдат.

— Ишь ты, прыткий какой! — сказал он. — Чего из кабака убер? Тебе бы в шапчонку набросали грошей.

— Да у меня, дяденька, и шапчонки нет...

— Ах ты горемыка! Вот тебе пятак! Поминай Матвея!..

Всю ночь прогулял Анатолий около станции. Стало рассветать. Открылся трактир напротив вокзала. Он вошел, спросил чаю и хлеба. Обогревшись, разговорился с половым, сказал, что он — артист из цирка.

— Не врешь? — усомнился половой. — И представлять можешь?

— Могу.

— А ну, представь, коли взаправду, пока гостей нет! Анатолий «представил» и так чисто, что половые просили повторить и в один голос хвалили:

— Э, да ты мастер! Может, еще что покажешь?

Анатолий показывал. Сидельцы дивились.

— А, может, ты и рассказывать умеешь?

— Умею.

— А ну, двинь что-нибудь смешное... Молодец! Правослово, артист!.. Что ж ты такой голодный да оборванный?

Узнав его историю, трактирные сидельцы устроили Анатолия на день в комнатушке при трактире.

— Не торопись, — сказали они, — отдохни, а там поможем тебе сесть на поезд.

Анатолий отдохнул и отоспался. Трактирные «ребята» накормили обедом, а когда он, поблагодарив, собрался на вокзал, остановили его:

— Не спеши, говорят. Оставайся пока. Завтра утром соберутся кондуктора пассажирского. Ты им покажи какую ни на есть комедь.

Весь этот день и ночь Анатолий провел в трактире. Утром следующего дня он в компании своих друзей, половых, занимался чаепитием. Прибежал «человек» с «чистой» половины.

— Кондуктора пришли!

Анатолий представился кондукторам и начал показывать «комедь». И пока он показывал, один из половых убедительно говорил степенно заседавшим кондукторам:

— Ишь ведь какой весь изломанный, как есть артист. И смешное может рассказывать... Набедовался у своего хозяина. Денег ему хозяин не платил, да еще и бил. Сбежал он. Домой теперь хочет ехать, в Москву. Там у него отец с матерью. А денег на билет нету... Уж вы как-нибудь, господа почтенные, провезите его.

— Что говорить, — сдержанно откликнулись кондуктора, — паренек, видать, смысленный. Да только строгости на линии громадные.

— Очень уж несчастный, — уговаривали половые. — Ни жрать, ни угла. Шапчонки даже нет. Так ведь и погибнуть в юном возрасте может.

В конце концов кондуктора взялись подвезти Анатолия до Клина. Запрятали в багажный вагон. Он устроился довольно удобно на посылочных ящиках.

В Клину Анатолий снял за четыре пятака койку на постоялом дворе и вволю напился горячего чаю с огромным мучнистым калачом. Здесь, близко от Москвы, он приободрился. Узнав, что в городке есть клуб общества приказчиков, попросил лист бумаги, чернила и перо.

Спустя какой-нибудь час, он уже вел переговоры с хозяевами клуба, а затем отправился к околоточному надзирателю.

Околоточный прочитал «афишу», вскинул на Анатолия глаза.

— Паспорта!

Анатолий опешил. Он совсем забыл, что у него нет паспорта. Много бы он сейчас дал, чтобы только очутиться подальше отсюда.

— Какие паспорта?.. — сказал он.

— Паспорта артистов, участников представления.

— Простите, господин пристав, все обозначенное на этой афише исполняю я один.

Околоточному понравилось, что его называли «приставом». Он погладил широкой ладонью усы, еще раз посмотрел афишу.

— Много вас таких шляется... Ну, здесь вот написано: «удивительные акробатические трюки». Покажи!

— Покажу, господин пристав, с большим удовольствием. — Анатолий был рад-радехонек прекратить разговор о паспортах и так быстро и ловко проделал несколько трюков, что сидевшие в канцелярии два писаря похвалили. Улыбнулся и околоточный.

— Недурно. А ну, покажи, какой ты звукоподражатель?

На две-три минуты канцелярию наполнили звуки птичьего и скотного двора: кудахтали куры, кричали гуси, лопотали индюки, блеяли овцы, лаяли собаки.

Околоточный смеялся.

— Довольно, довольно... Вижу, что ты акробат и звукоподражатель. А какой ты клоун и фокусник, это мы увидим завтра в клубе. Садись. Ты что же, проездом здесь? Как фамилия? Дуров?.. А позвольте полюбопытствовать, — вдруг изменил тон околоточный, — кто ваш отец?.. Ай-я-яй! — покачал он сокрушенно головой. — Я очень хорошо помню вашего отца. Как же это вы, молодой человек, из благородной военной фамилии и занялись таким делом? Не присмотрели, значит, за вами? Ай-яй-яй!

Так он и не спросил у Анатолия паспорта.

На представление в клубе собралось довольно много зрителей. В антракте Анатолий, подсчитав вместе с кассиром выручку и получив свою долю, пришел в хорошее настроение. Озорная мысль мелькнула в его юной голове.

В конце выступления, показав несколько фокусов, он обратился к публике:

— В заключение, сверх программы, расскажу, господа, что я наблюдал вчера в вашем милом городке.

— Просим! — зашумели зрители.

— Просим, — благосклонно сказал сидевший в первом ряду околоточный.

— Иду я вчера после обеда берегом пруда. Смотрю —

собрался народ. Спрашиваю: «Что делаете, ребята?» — «Да вот, говорят, стряслось у нас большое несчастье, человек утонул. Никак не можем вытащить». — «Кто утонул?» — «Околоточный наш надзиратель». — «Эх, ребята, говорю им, верный дам совет. Покажите ему трехрублевку — сам из воды выскочит...»

Не дожидаясь аплодисментов, Анатолий поклонился публике и юркнул в комнатку, служившую уборной. Отсюда выпрыгнул через окно во двор, оттуда — в переулочек, и на первом встречном извозчике помчался на вокзал.

Ему не хотелось второй раз говорить с околоточным.

С бьющимся сердцем подошел Анатолий к особняку в Чернышевском переулке. Сейчас он остро почувствовал, как ему хочется увидеть всех, кто жил в этом доме... Пусть даже Николай Захарович не примет его, пусть выгонит, все же Анатолий должен его увидеть.

Он прошел через двор черным ходом. Робко постучал в дверь, ведущую на кухню.

Татьяна Даниловна собиралась ехать к знакомым, когда горничная, заглянув к ней, улыбаясь и тихонько, чтобы не услышал Николай Захарович, сказала:

— Барыня, Анатолий Леонидович вернулись.

Татьяна Даниловна поспешно вышла на кухню. Увидав Анатолия, ахнула.

— Явился! Наконец-то! Блудный, блудный!.. До чего ты дошел! Худой, оборванный, ботинки рваные, без пальто. И даже, кажется, без фуражки? В такой холод?!

Анатолий потупился, бормоча:

— Неудача, мама крестная...

— Эх ты, артист! Говорила же я тебе!

Татьяна Даниловна прослезилась, взяла в свои душистые ладони грязную, заросшую, нечесаную голову Анатолия, поцеловала его.

— Ну ничего, не бойся. Николай Захарович поругает, да, небось, и простит... Мы ведь тоже соскучились по тебе. Володя — умник, быстро вернулся. А ты оказался вон какой блудный... Ну, марш теперь в ванную.

Бездетные Захаровы, старея, все больше привязывались к своим приемным сыновьям. Николай Захарович обрадовался, узнав, что Анатолий вернулся. «Голодный, худой, несчастный, без фуражки даже», — говорила Татьяна

Даниловна умоляющим, жалобным голосом, чтобы смягчить мужа.

— Скажи, чтобы он прошел в мой кабинет, — строго сказал Николай Захарович.

Соблюдая холодное выражение лица, он долго и укоризненно рассматривал Анатолия из-за своего огромного письменного стола.

— Ну вот, — заговорил он, — надеюсь, теперь твое увлечение цирком значительно ослабело?.. Садись, что же ты стоишь?

На душе у Анатолия полегчало. Николай Захарович продолжал все так же спокойно и холодно:

— Я нарочно предоставил тебе полную свободу действий, дал возможность пожить в этой среде, окунуться с головой в омут, узнать поближе его нравы... Я вижу — ты все это узнал в полной мере.

Анатолий молчал, разглядывая узор на ковре.

— Я мог бы вытребовать тебя с полицией как несовершеннолетнего. Но решил, что это послужит тебе хорошим жизненным уроком, поможет излечиться от ребяческого увлечения.

Николай Захарович по своей профессиональной привычке говорил долго. Но сейчас Анатолию было приятно слушать его.

— Я думаю, теперь ты понял свою ошибку, — говорил все мягче Николай Захарович. — Понял и сделал для себя необходимые выводы... Ну, что теперь скажешь — прав я был, или нет, когда предупреждал тебя от слепого увлечения циркачеством? Ну, отвечай — прав я был, или нет?

— Конечно, дорогой отец, вы были правы, — сказал Анатолий.

— Теперь ты понял?

— Да.

Анатолий готов был соглашаться со всем, что говорил Николай Захарович. Так хорошо было сказать приятное близкому, родному человеку после неуютной жизни у господина Вайнштока.

— Вот, видишь!.. Я верил, что ты образумишься.

Николай Захарович встал из-за письменного стола, подошел к Анатолию, обнял его за плечи и усадил рядом с собой на широкий сафьяновый диван.

— Ну, давай подумаем, что будем делать дальше. Времени потеряно много. Тебе уже восемнадцатый год, а ты не имеешь даже аттестата за шесть классов. Но с твоими способностями можно и за один год сделать многое. Ну скажи, по какой дорожке ты хотел бы пойти?

Анатолий был очень чувствителен к ласке и доброму слову. В доме приемных родителей его никогда не подвергали физическому наказанию, но и ласку он видел редко и только от Татьяны Даниловны. Николай Захарович всегда был принципиально суховат, что входило в его систему воспитания и отвечало английскому стилю, которого он придерживался. И то, что этот внушительный и строгий человек обнял его и дружески с ним заговорил, после унижений, которым он подвергался у Вайнштока, наполнило сердце Анатолия таким чувством признательности, что он готов был сделать все, что посоветует ему Николай Захарович.

Решено было, что Анатолий поступит в учебное заведение Тихомирова, готовившее учителей для сельских школ. Это было желание самого Анатолия. Оно несколько удивило Николая Захаровича.

— Какие, однако, у тебя крайности, — заметил он. — Я думал, ты будешь держать экзамен в театральную школу.

Старый педагог-народник Дмитрий Иванович Тихомиров постоянно внушал учившимся у него молодым людям:

— Мы у народа в неоплатном долгу. Каждый образованный русский человек должен служить народу, который кормит нас своим тяжелым трудом.

Человек большой души и больших знаний, Тихомиров увлекательно развивал в своих лекциях идею о народном благе. В этой связи он часто касался вопросов искусства и литературы. Его лекции находили в душе Анатолия своеобразный отклик.

Однажды он подошел к Дмитрию Ивановичу с просьбой ответить на интересующий его вопрос.

— До поступления на ваши курсы, — сказал Анатолий, — я служил в цирке и часто слышал, что это не искусство, а презренное, бесполезное ремесло. Но я видел, как любят цирк люди всех профессий. Дмитрий Иванович, скажите, разве нельзя трудиться с пользой для народа и на цирковой арене?

Тихомиров знал историю Анатолия Дурова. Он подумал и серьезно сказал:

— Я редко бывал в цирке, но считаю, что это зрелище — народное. Да, народ любит акробатов, наездников, гимнастов. Любит, потому что они показывают физическую красоту, силу и ловкость смелого, здорового человека. Это нужно народу.

— Дмитрий Иванович, позвольте еще спросить: вы говорите — акробаты, гимнасты, наездники. А клоуны? Что вы думаете о них?

Тихомиров внимательно посмотрел на Анатолия. Он слышал в этих вопросах глубоко личное, такое, от чего загорались темные выразительные глаза этого странного юноши.

— Я не видел хороших клоунов. Те, которых я видел, показались мне плохими. Они били друг друга и говорили пошлости. Публика смеялась, но смех этот мне показался низкопробным, а сами клоуны — несчастными, жалкими людьми. Не знаю, может быть, встречаются и хорошие клоуны. Наверно, встречаются. Ведь можно, конечно, и гимнастику подать так, что она станет пошлым, вредным зрелищем. Каждое дело можно испортить, извратить, опошлить. Все зависит от того, в чьих руках оно находится.

— Я полагаю так, — заключил старый педагог. — Если есть горячее, ясно осознанное стремление служить народу, иди тем путем, какой тебе больше по душе, и твой труд будет приносить людям радость и пользу.

Анатолий успешно закончил курсы, выдержал экзамен на сельского учителя, а затем и на учителя городских училищ. Он даже с неделю давал уроки в Богоявленском четырехклассном городском училище.

Больше он выдержать не мог. Подал заявление об уходе и приехал в Москву.

Первым делом он разыскал брата и сообщил ему о своем поступке. Владимир в это время служил писцом в Московской управе благочиния.

— Я больше не могу, — сказал Анатолий, — уйду опять в цирк. Братья Николетт берут меня третьим в свой номер. Хочешь, я поговорю о тебе?

Владимир отказался. Он получал семь рублей жалованья в месяц, смешил чиновников, подражая говору

и походке влиятельных особ, и увлекался дрессировкой собак.

Татьяна Даниловна умоляла Анатолия отказаться от своего решения.

— Мальчик, ты погибнешь, погибнешь! Вспомни, каким ты вернулся из Твери. Подумай, наконец, о нас, твоих родных, которые любят тебя. Подумай, какой удар ты нанесешь Николаю Захаровичу! Ведь ты же ему обещал...

Татьяна Даниловна плакала. Плакал и Анатолий.

— Мама крестная, — говорил он, целуя ее руки, — вы всегда были добры ко мне. Поймите, я не могу иначе. Если я не буду служить в цирке, я умру, повешусь!

— Какие слова ты говоришь, бог с тобой! Что за несчастная страсть... Ну как сказать об этом Николаю Захаровичу? Он так был доволен тобой.

— Я сам пойду и скажу. Я уже не мальчик, я совершеннолетний и могу отвечать за себя. Пусть он меня прогонит, но я не могу иначе...

Николай Захарович сразу почувствовал недоброе, когда к нему вошел Анатолий с потемневшим и решительным лицом.

— Ты приехал из Богоявленска? По делу? Или болен?

— Я ушел из училища.

— Что такое? Поскандалил?

— Нет. Я возвращаюсь в цирк!

— Так!.. — Николай Захарович вздохнул. — Опять та же история... Где же твои обещания?

— Я сделал все, что мог. Закончил курсы, сдал экзамены, получил права учителя. Кажется, вы были довольны мной?

— Да, я был доволен.

— Ну, а я совсем не доволен. Какой же из меня учитель, если я все время думаю о другом! Нет, не подходят мне обязанности преподавателя.

— Вздор.

— Нет, отец, это не вздор. Простите меня. Мне очень тяжело вас огорчать, но учительствовать я не в силах. Прощайте, я ухожу.

— Ломаться?

— Да.

— Ну, бог с тобой. Отныне я приканчиваю всякие заботы о тебе!..

«ДЕЛАЙТЕ ВАШИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗЛОБОДНЕВНЫМИ»

Братья Николетт, Робинзон и Юлиус, выступали партерными акробатами и жонглерами в новом цирке Саламонского. Анатолий Дуров очень им подошел. Втроем они подготовили целый ряд новых номеров — акробатические упражнения на пирамиде из стульев, жонглирование колпачками, мраморные группы. В этом номере Анатолий оказался прямо-таки находкой. Прекрасно сложенный, он обладал врожденной пластичностью. Мраморные группы братьев Николетт очень нравились московским дамам.

В цирке Саламонского работать было куда легче и приятнее, нежели в балагане Вайнштока. Слово «работать» в данном случае, пожалуй, не совсем и подходило. Ничего трудного не было для Анатолия в этих гимнастических упражнениях. Он выполнял их с легкостью, удивлявшей даже его партнеров. Сам Анатолий, можно сказать, был почти счастлив. Мог ли он думать два года назад, когда первый раз пришел в этот большой цирк, что будет здесь выступать как артист и нарядные женщины будут посылать ему за кулисы цветы.

Счастье Анатолия омрачалось только мыслью о разрыве с Николаем Захаровичем, о том горе, какое он причинил любящим его людям.

Он жил в меблированных комнатах. Живя в Москве, он не мог не вспоминать каждый день о своих приемных родителях. Он хотел бы уехать из Москвы, чтобы не испытывать чего-то похожего на угрызение совести, хотя не чувствовал за собой вины. Поэтому Анатолий охотно принял предложение братьев Николетт поехать с ними в гастрольную поездку по городам Прибалтийского края.

Они побывали в Риге, Либаве, Митаве. Закончив гастроли в прибалтийских городах, поехали на Украину. Трио Николетт всюду пользовалось успехом.

Анатолий прошел все ступени цирковой профессии. В балагане Вайнштока он был акробатом-эксцентриком, прыгуном, канатоходцем, фокусником. Выступая с братьями Николетт, он сделался превосходным гимнастом. В нем развилось и окрепло чувство темпа, ритма и равновесия. Оставалось еще овладеть техникой воздушных поле-

тов. Однако он не стремился к этому. У него была своя заветная мечта — стать клоуном разговорного жанра. Вот почему он вышел из номера Николеетт и предложил себя директору Одесского цирка в роли акробата-эксцентрика. Это было переходной ступенью к профессии клоуна.

Еще мальчишкой, учеником военной гимназии, Анатолий был очарован бойким балагурством балаганных дедов. Он уже тогда подметил, что публике нравилось балагурство клоунов, особенно когда в нем заключались сатирические выпады против господ, богачей, полиции.

Присматриваясь к комическим приемам и трюкам цирковых клоунов, Анатолий видел, что самой большой популярностью пользовались клоуны-словесники, которые умели бойко и остроумно разговаривать на арене. Убеждал в этом и личный опыт в балагане Вайнштока.

Директор Одесского цирка охотно согласился, когда Анатолий Дуров предложил свои услуги в качестве акробата-эксцентрика. Обилие комических номеров в программе помогало делать хорошие сборы. Фактически Анатолий начал выступать вторым «коверным» клоуном. Он должен был развлекать в паузах акробатикой, прыжками, шутками. И справлялся с этим неплохо.

У него уже был свой, подготовленный заранее, разговорный репертуар, частью заимствованный у балаганных дедов, частью сочиненный самостоятельно. Очень теперь пригодилось ему увлечение стихами. Он нашел и свое «амплуа». Анатолий разыгрывал на арене беззаботного весельчака, не лезущего за словом в карман.

Он танцевал на ходулях «Камаринского», делал трудные сальто, прыгал через препятствия, балансировал на шарах и, продельвая все это, балагурил так, будто эти пустяки не стоили ему никаких усилий.

Зрители видели в нем не только беспечного, но и очень смелого весельчака, удальца. Это нравилось.

В каждый свой выход Анатолий Дуров включал экспромтом коротенькую шуточную сценку. И так как это было остроумно и никого не задевало, директор поощрял импровизацию.

В одном из своих выступлений Анатолий пошел на рискованный трюк. Выступала наездница Тереза Штадлер. В паузах публику развлекал Анатолий Дуров. Отдохнув между двумя заездами, Тереза снова разогнала по кругу своего скакуна. В это время Анатолий, заканчивая слож-

ный акробатический прыжок, очутился перед скачущей во весь опор лошастью. Умная лошадка прыгнула через него, но наездница испуганно вскрикнула, а шталмейстер сердито сказал:

— Что вы делаете! Вы были под копытом лошади!

— Лучше быть у лошади под копытом, чем у жены под башмаком! — звонко ответил Анатолий.

Зрители, восхищенные смелым трюком и шуткой, засмеялись; цирк загремел аплодисментами; раздались крики «браво!»

Подготавливая свой прыжок, Дуров, конечно, не стремился попасть под копыта лошади. Это вышло случайно, как и его каламбур. Но публика так шумно и долго аплодировала, что директор приказал Анатолию и Терезе отрепетировать и показывать этот «номер» в каждом представлении. И каждый раз публика награждала их шумными аплодисментами и криками «браво».

Но однажды после представления, когда масса зрителей уже разошлась, в опустевшем подъезде цирка к Анатолию Дурову подошел незнакомый человек, по лицу и одежде рабочий или ремесленник. Он извинился, назвал себя большим любителем цирка. Анатолий разговорился с ним и услышал следующее замечание:

— Вы талантливый артист, — сказал незнакомец, — я очень люблю смотреть ваши выступления. Все, что вы показываете, интересно, смешно. Жаль только, что у вас нет злободневных номеров. Подумайте, стоит ли тратить талант на такие штуки: рискуя получить тяжелое увечье, вы бросаетесь под скачущую лошадь, и когда вам делают замечание, отвечаете: «Лучше быть у лошади под копытом, чем у жены под башмаком». Публика смеется, но, выходя из цирка, не скажет о вас доброго слова. А вот если бы у вас был злободневный материал, тогда другое дело... Послушайте, не рискуйте зря, не старайтесь поразить головами фортелями, лучше делайте ваши выступления злободневными. Тогда народ вам скажет спасибо...»

Дома, размышляя над этими словами, Анатолий вспомнил, что говорил ему старый педагог Дмитрий Иванович Тихомиров. Припомнились и сатирические раешники балаганных дедов, и успех, какой они имели у толпы слушателей.

Результатом этих размышлений явились пародии, которые Анатолий стал включать в свои выступления. Он по-

казывал публике разбогатевшего купца, важного чиновника, помещичью дочку, хорошо одетого, воспитанного и глупого господина. Он сочинил куплеты об иностранных гусях, что живут «без дела, но в почете».

Не только верхние ряды амфитеатра и галерка, где толпился и теснился простой народ, но и весь цирк, до господ, сидевших в ложах и партере, одобрял эти пародии. Каждому из «чистой публики» казалось, что пародия относится не к нему, а, в худшем случае, к его соседу или к его хорошим знакомым. Куплеты об иностранцах встречались шумными аплодисментами.

На одном из представлений Анатолий Дуров предложил зрителям загадки-шутки. Среди загадок были и такие:

— Скажите, господа, — обратился он к сидящим в партере, — почему бедняки больше всех других кушаний любят картошку?.. Не знаете? Очень просто. Надо же и беднякам с кого-нибудь шкуру драть!

Сидящие в партере не отозвались на эту загадку. Зато наверху аплодировали.

— А не скажете ли вы, господа, — продолжал Дуров, обращаясь ко всем зрителям, — что есть общего между часами и городовым?.. Во время обыска городской был на часах. После обыска часы были на городовом!

Анатолия вызывали несколько раз. «Верхи», не унимаясь, аплодировали, стучали ногами, требовали продолжения.

На другой день его вызвали к директору. Директор сказал:

— Ты у меня эти штуки оставь!

— Какие штуки?

— Эти загадки о бедняках и городских! Здесь тебе не балаган. Оставь эти штуки, или убирайся из моего цирка.

Этот разговор угнетающе подействовал на Анатолия. Он прошел на манеж, сел в партере, невидящими глазами глядел на гимнастов, репетирующих воздушный полет.

— Что с вами, Анатоль? — участливо спросила сидевшая рядом Тереза. — Вы только что были веселый.

— Ничего, — угрюмо ответил Анатолий.

— У вас был неприятный разговор с директором?

— Он — свинья!

— Конечно, свинья, — согласилась Тереза. — Все директора большие свиньи.

— Я уйду. Уеду... Завтра!

— Не принимайте к сердцу, — посоветовала Тереза. — Стоит ли огорчаться, когда вы такой талантливый и вас так хорошо принимает публика?

Анатолий был еще очень молод, и слово «талантливый» кружило ему голову. Он немного успокоился.

— Вам не надо так быстро уходить, — говорила Тереза. — Здесь вы можете сделаться настоящим клоуном. У вас очень красивый голос, вы хорошо говорите и можете декламировать. Вы можете стать замечательный соло-клоун.

Анатолий прислушивался к словам Терезы с большим вниманием. Она так хорошо понимала, что ему нужно.

Тереза ему нравилась. Пожалуй, она была невольной причиной того, что Анатолий однажды, не рассчитав силы прыжка, попал под копыта ее скакуна...

Он горячо пожал ее руку.

— Благодарю вас, Тереза, за доброе слово... Вы серьезно думаете, что из меня может выйти соло-клоун?

— Очень серьезно. Вам надо понемножку готовить свой репертуар.

— Мадмуазель Тереза, на манеж! — крикнул штальмейстер.

Анатолий оставался в партере все время, пока Тереза репетировала. Его глаза следили за каждым ее движением, исполненным грации и силы. В черных рейтузах и жокейской курточке, она мчалась под щелканье шамбарьера на серой лошади по кругу манежа. Стоя на панно, трижды опрокидывалась на руки и затем прыгала в обруч.

Отрепетировав, Тереза присела отдышаться. Анатолий смотрел на ее разгневившееся лицо, на котором в полумраке блестели огромные от физического напряжения глаза.

— Вы замечательная наездница, — сказал он.

— Спасибо, — улыбнулась Тереза. — Вы теперь успокоились?

— Я уже забыл о нем.

— Поверьте мне, не надо спешить уйти из хорошего дела, когда вас уже полюбила публика.

Иностранное происхождение Терезы чувствовалось в ее речи. Она была очень жизнерадостна, но без легкомыслия. Как у каждой красивой наездницы, у нее насчитывалось немало «обожателей» из среды постынных завсегдатаев цирка. Тереза держала их на расстоянии и делала

это с большим тактом. Выросшая в цирковой семье, она занималась профессией своих предков и считалась хорошей наездницей. Но едва ли кто из артистов Одесского цирка мог всерьез подумать о том, что Тереза не только хорошая наездница, но и неглупая девушка.

Первым сделал это открытие Анатолий. Он даже решил, что Тереза — очень умная девушка.

Выступая акробатом-эксцентриком, Анатолий постепенно переносил упор с акробатики на клоунаду, а в клоунаде — на разговор с публикой. Сделаться соло-клоуном в разговорном жанре стало его мечтой. Эту мечту поддерживала Тереза.

— Клоун-импровизатор, — говорила она, — неоценимый сюжет для цирка. — И с чисто женской практичностью советовала:

— Вы, Анатоль, придумываете шутки для всех клоунов нашего цирка. Зачем вам дарить другим свои выдумки? Лучше приберегите их для себя.

— Смогу ли я один держать внимание публики? — сомневался Анатолий. — Я не играю ни на одном музыкальном инструменте.

— Зато вы хороший акробат и гимнаст, — возразила Тереза. — И это стоит музыки.

— Чтобы одному держать внимание публики, надо построить большой номер, — размышлял Анатолий. — В разговорном жанре, без музыки, это очень трудно. На шутках и остротах далеко не уедешь...

— О, Анатоль, вы такой талантливый! У вас получится.

Анатолий вспомнил замечание незнакомого человека, который остановил его в подъезде цирка, и рассказал об этой встрече Терезе.

— Что значит — «злободневно»? — спросила Тереза.

— Это значит откликаться на то, что очень интересует и волнует публику. Он прав, Тереза. Но я попробовал так сделать, и публика приняла, а директор выругал и пообещал выгнать!

— Надо было осторожней, — заметила Тереза.

— Да, — согласился Анатолий. — Надо быть осторожней... Я, пожалуй, попробую построить такой номер. Для этого нужно свободное время. Значит, придется уйти из этого цирка, — неожиданно заключил он.

— Уйти! Но зачем же?

— Чтобы подготовить материал и отрепетировать его. В этих условиях нельзя. Директор не даст мне такой возможности. Значит, надо отсюда уехать.

Тереза молчала, опустив глаза.

Эта беседа вполголоса проходила опять в полутемном цирке в часы репетиций. На арене акробаты прыгали с подкидных досок, и их короткие выкрики гулко отдавались под высоким куполом.

— Вы не хотите, чтобы я уехал? — спросил Анатолий вдруг задрожавшим голосом. Сердце у него застучало. Всем существом своим он понял, что в эту минуту решается его судьба.

— Тереза... Что же вы молчите? — говорил он. — Для меня это очень важно... Скажите, вам безразлично, уеду я или нет?

Тереза подняла на него глаза и совсем тихо сказала:

— Нет. Мне не безразлично...

Анатолий облегченно вздохнул, радостно засмеялся.

— Тогда — решено. Мы уедем в Москву, поженимся, и я подготовлю там свой новый номер. Вы будете моим первым зрителем. На афишах будет напечатано: «Оригинальный клоун Анатолий Дуров»...

Он держал ее руку и с увлечением говорил о своем будущем «номере».

Тереза слушала очень серьезно. Она только заметила:

— Ваши родные не разрешат вам жениться.

Анатолий вспыхнул, выпустил ее руку.

— Я не нуждаюсь ни в чьем разрешении! Мы поженимся здесь и уедем.

— Вы очень молоды, — сказала Тереза, — и если вы на мне женитесь, ваши родные лишат вас поддержки.

— Пусть! — крикнул Анатолий. — Я не нуждаюсь в поддержке! Мы — здоровые, сильные, сами сможем себя поддерживать.

Тереза покачала головой.

— Не надо с родными ссориться. Вы можете потом пожалеть.

— Довольно об этом, — сверкал глазами Анатолий. — Я вас полюбил, Тереза, и если вы меня тоже любите, не говорите больше о родных. Лучше пойдемте сейчас же в церковь и обвенчаемся.

Он готов был тотчас же идти венчаться. Тереза удержала его.

— Вы мне нравитесь, Анатолий, но я не хочу, чтобы вы когда-нибудь могли раскаиваться, что женились. Подождем, и если вы не передумаете, я напишу своим родным...

Одной из существенных черт характера Анатолия Дурова была настойчивость. В своих решениях и поступках он часто бывал импульсивен. Очень часто решение приходило к нему внезапно. Но это не мешало ему проводить свои решения в жизнь с упорством и постоянством. Так было, когда он уехал из родного дома в Тверь, к Вайнштоку. Так случилось и на этот раз. Анатолий почувствовал, что не может жить без черноглазой рассудительной Терезы. И он убедил ее в этом.

Спустя месяц они уехали в Москву.

Тереза была немногим старше своего восемнадцатилетнего мужа, но гораздо более трезво смотрела на жизнь. Поэтому ее не огорчила и не смутила нужда, в которой они оказались уже в конце первого месяца по приезде в Москву.

Они жили в дешевых меблированных комнатах. Анатолий с головой ушел в подготовку новой программы и каждый день репетировал перед Терезой, не замечая, каких трудов стоило ей сводить концы с концами. Он не хотел обращаться к родным и не мог зарабатывать деньги, пока не будет готов новый номер. Тереза рассчитывала только на свою изворотливость. Но пришел день, когда все, что можно продать, было продано, а сама Тереза оказалась беременной. Это последнее обстоятельство заставило Анатолия отложить куплеты и монологи. Ничего не сказав жене, он пошел на Чернышевский переулок.

Опять горничная, таинственно улыбаясь, вызвала барыню на кухню. Татьяна Даниловна опять ахнула и запела «блудный, блудный, явился, наконец-то!» Но уже Анатолий не показался ей несчастным, худым и оборванным. А когда он попросил уделить ему несколько минут для очень серьезного разговора, Татьяна Даниловна, крайне заинтересованная, провела его в свою спальню и здесь, широко открыв глаза, узнала, что Анатолий женился, приехал в Москву, живет здесь уже второй месяц и ждет ребенка.

Как ни ужасалась Татьяна Даниловна, эти события наполнили ее довольно-таки скучную жизнь большим содержанием. Как бы там ни было, какой бы «мезальянс» ни совершил Анатолий, «она» — жена Анатолия, у «них»

будет сын или дочь, а у Татьяны Даниловны — внук или внучка. Николай Захарович пока ничего не должен знать; а она сию же минуту должна ехать с Анатолием и познакомиться с его женой.

Татьяна Даниловна нашла, что Тереза мила, скромна и почтительна. Она выбрала Анатолия за гордость и немедленно взяла его семью под свое покровительство. Николай Захаровича обещала «подготовить».

Польза от всего этого получилась большая. Не отрываясь на заработки, Анатолий разучил свою первую программу, многократно проверив ее на жене. Тереза не сомневалась в успехе и, как настоящий зритель, не раз аплодировала ему. Вместе они сочинили письмо директорам крупных цирков. В этом письме Анатолий предлагал свои услуги в качестве «соло-клоуна» с большим, оригинальным номером.

Наверно, у Терезы была счастливая рука. Анатолий получил приглашение из Воронежа, от известного циркового деятеля Максимилиано Труцци, чье имя наряду с именами Чинизелли и Саламонского было очень популярно в цирковом мире. Это явилось поразительной неожиданностью. Он меньше всего рассчитывал на благоприятный ответ из Воронежа.

Тереза сшила ему традиционный клоунский «балахон» из цветного коленкора, собрала и проводила в дорогу, повторяя:

— Не волнуйся, все будет хорошо. Обо мне не беспокойся.

ВОРОНЕЖСКИЙ УСПЕХ

злетали с подкидных досок акробаты, мчались на лошадях под щелканье хлыста наездники и наездницы, кричали деревянными голосами и давали друг другу звонкие затрешины клоуны. ярко размалеванные, с огненно-красными носами. Анатолий пристально следил за их «работой» из публики. Он только что приехал в Воронеж. Остановился в гостинице близ вокзала и, не отдохнув с дороги, отправился в цирк посмотреть труппу и, главное, клоунов.

За двадцать пять копеек он купил билет и просидел в цирке весь вечер, присматриваясь к артистам. Впервые ему предстоит здесь выступать — и не акробатом-эксцентриком, не «коверным», развлекающим публику в паузах, а соло-клоуном.

На своем недолгом артистическом пути Анатолий видел много клоунов. Иные были талантливы. Но почти все они очень плохо говорили. Даже у самых талантливых — исковерканная, напоминавшая болтовню попугаев, речь. Этот недостаток клоуны возмещали оплеухами и затрещинами.

И здесь все те же примелькавшиеся клоунские трюки. Анатолий смотрел, как после каждой затрещины клоуны с визгом шлепаются на усыпанную опилками арену, и думал, что завтра он покажет зрителям такое, чего они, пожалуй, еще никогда не видели и не слышали.

Утром следующего дня сомнения овладели им. Он жалел, что с ним не было Терезы. Ее спокойная уверенность очень ему помогала. Путь от гостиницы до цирка показался трудным. Несколько раз он останавливался на перекрестках улиц, раздумывая — не вернуться ли в Москву? Ему вдруг представилась ошибкой вся эта затея.

Маленький толстый старик с черными, очевидно, крашеными усами зорко оглядел молодого человека, назвавшего себя Анатолием Дуровым. Молодой человек робел. Внешне он производил очень благоприятное впечатление. Выразительное лицо с правильными тонкими чертами, с живыми темными глазами, прекрасная фигура. «Он должен быть превосходным гимнастом», — подумал директор и стал читать предложенную программу выступлений.

Такой программы старый циркач еще не встречал за всю свою многолетнюю практику: «Обращение к публике», «Камаринская на ходулях», «Монолог-обозрение», «Прыжки через препятствия», «Афоризмы, остроты, шутки, загадки»... Очень много словесности. Познакомившись бегло с этой словесностью, Труцци спросил, кто автор? Автором оказался сам исполнитель.

— Ваш программ интересный, — сказал Труцци. — Будем говорить о дебют.

Его озадачило настойчивое желание молодого человека дебютировать под своей настоящей фамилией. Редко на афишах больших цирков красовались русские фамилии.

Обычно русские артисты брали себе французские, итальянские или немецкие имена. Под русскими именами выступали только в самых дешевых балаганах.

Подумав, Труцци согласился. «Анатолий Дуров»? Пожалуй, это будет даже оригинально: единственная русская фамилия на афише. К тому же очень подходит для клоуна. Публика, наверно, примет за псевдоним.

Анатолий вышел из цирка окрыленным. Директор нашел его программу интересной. Его дебют назначен на другой день. Казались смешными недавние сомнения. Он ходил по воронежским улицам, и всё на этих улицах, обсаженных пирамидальными тополями и каштанами, — люди, деревья, дома — казалось приветливым. Никто еще здесь не знал его. Но скоро все услышат о клоуне Анатолии Дурове...

Весь день он знакомился с городом. Спускался вниз к реке, на которой когда-то Петр Первый строил корабли, осмотрел оставшееся от тех времен здание яхт-клуба, побывал в Ботаническом саду и посидел в сквере, у памятника Алексею Кольцову, чьи стихи он с детства знал. Вечером, воротясь в гостиницу, потребовал самовар и разговорился с коридорным.

— Почему это, братец, у вас такая грязь в гостинице? Хотел я сейчас поглядеть на себя в большое зеркало на повороте лестницы, и не смог — так оно засижено мухами.

— Что ж с ними сделаешь, с мухами-то? — ответил, почесываясь, коридорный, здоровый молодой малый, с маленькими заспанными глазками и очень толстыми губами.

— Протирать надо зеркало, — посоветовал Анатолий.

— Протирать? А что его протирать, когда все равно засидят.

— Отчего ж их у вас так много?

— Ясно отчего... Дожди у нас идут.

— Позволь, — удивился Анатолий, — при чем тут дожди?

— Ясно при чем... Они от дождей и разводятся.

— А не от грязи?

— Никак нет. Хозяин говорит — от дождей.

— А скажи, приятель, отчего в вашей гостинице так много клопов?

— Не могу знать, — зевнул коридорный.

— Хозяин ничего не говорил по этому вопросу?

— Ничего-с.

В день дебюта опять стали мучить сомнения. И чем ближе к вечеру, тем больше. Он повторял тексты своих куплетов, репетировал выходы и «репризы». Вечером в цирке одолел такой страх, что если б не стыд, он ушел бы.

Это совсем не было похоже на первый выход к зрителям в балагане Вайнштока. Там он выступал вдвоем с братом с обычными шутовскими трюками. Здесь он выступает один с большой разговорной программой собственного сочинения...

Как во сне, он вышел в своем коленкоровом пестром балахоне. Обошел, приветствуя публику поднятыми руками, круг арены и начал декламировать:

В далекую старинушку, в домах бояр причудливых
Шуты и дураки носили колпаки.
А в нынешнее время мы видим в высшем обществе
Шутов и дураков без всяких колпаков...

Он прочитал вступительный монолог в охватившей цирк напряженной тишине. Как сквозь туман видел ряды зрителей, артистов, толпившихся в проходе, и среди них — маленького Труцци. Он окончил монолог. По рядам пронесся говор и жидкие хлопки. Ему подали ходули.

Дуров изображал человека, впервые взбравшегося на ходули, и зрителей забавляли его усилия удержаться и не упасть. А когда он начал танцевать на ходулях «Камаринского», публика наградила его дружными аплодисментами. Анатолий прыгал через столы и пирамиды стульев, и легкость, с какою он проделывал прыжки, вызвала одобрение.

Первый выход он закончил куплетами о взятке и взяточниках и ушел с арены под озадаченное молчание публики.

Анатолий решил, что провалился. Стоявшие у выхода за кулисы клоуны пренебрежительно оглядели его и отвернулись. Отчаяние овладело им. «Стоит ли дожидаться второго отделения? — подумал он. — Нет, проваливаться, так уж до конца. Теперь все равно!» Вместе с отчаянием пришла к нему и смелость.

Во втором отделении он начал свой выход с шуточных

замечаний, обращенных к зрителям. Эти замечания носили форму афоризмов.

— Дворян называют «ваше благородие», — говорил Дуров, — купцов — «ваше степенство», а мужиков — «сукины дети». Генерал генерала обманывает — стратегия, купец купца — коммерция, а наш брат кого на целковый надует, кричат — «жулик»!

После каждой шутки в рядах зрителей слышался смех. Теперь ему аплодировали не за танцы на ходулях, не за акробатические прыжки, а за шутки, сочиненные им же самим.

Робость исчезла. Он чувствовал растущий контакт с публикой. Это чувство наполняло его ни с чем несравнимой радостью. Он стал декламировать новые куплеты с душой, выразительно, стремясь, чтобы каждое слово долетело до самых верхних рядов и галерки. И на этот раз весь цирк, сверху донизу, от галерки до кресел первого ряда, аплодировал ему.

В заключение Дуров представил в разговоре и лицах «воронежские картинки» и сцену с коридорным в гостинице. Картинки тоже имели успех. Многократные вызовы свидетельствовали, что публика на этот раз «приняла» его.

То, что увидели и услышали воронежские зрители в этот вечер в цирке, было совершенно новым. Первый раз они увидели клоуна, который не паясничал, не «отпускал» затасканных пошлостей на специфическом клоунском жаргоне. Прекрасным русским языком, с одушевлением и большим чувством юмора он декламировал, обращаясь к разуму и сердцу зрителей. Как это не похоже на привычное клоунское фиглярство с затрещинами, рассчитанными на утробный смех!

Первый выход Анатолия Дурова озадачил зрителей. В его вступительном монологе заключалось определенное общественное содержание, над которым надо было думать. А это непривычно. Но выступление заинтересовало, и зрители ждали второго выхода Анатолия Дурова. И так как он во втором отделении работал гораздо лучше, а разговорный материал был разнообразней и живей, выступление прошло успешно.

Он вернулся в гостиницу счастливый. Труцци предложил ему контракт на год с месячным жалованьем в сто пятьдесят рублей.

В антракте третьего представления, когда Анатолий бегом направлялся в артистическую уборную, кто-то из находившихся за кулисами артистов схватил его руку:

— Поздравляю тебя, Анатолий!

Еще ни разу никто здесь не обращался к нему так. Анатолий остановился, вглядываясь в загримированное лицо артиста.

— Не узнаешь? — говорил тот. — Вспомни Тверь!

Тут Анатолий узнал Мишу, с которым в паре он выступал в балагане Вайнштока.

Он так обрадовался, что обнял и поцеловал друга в накладной красный нос. Миша работал здесь коверным.

— Почему я тебя не видел раньше?

Оказалось, Миша несколько дней лежал в больнице с вывихом ступни.

— Ты выступаешь один? — спросил Анатолий.

— Нет, нас двое: я и осел.

Анатолий захохотал.

— А ты не смейся. Он мне очень помогает.

— Осел!.. А где ты его взял?

— Купил на базаре маленьким осленком. Позанимался с ним, да и стал выступать. Публике нравится.

— А знаешь, это в самом деле интересно: осел — помощник! А если взять свинью?.. Ты видел когда-нибудь Танти-Бедини с его поросятами?

Миша не видел дрессированных свиней клоуна Танти, но, конечно, слышал о них.

— Но ведь говорят, он весь свой номер строит на свиньях, — сказал Миша. — Работают свиньи, а Танти им только помогает.

— Это верно: работают свиньи, а Танти им помогает...

— А у меня наоборот, — продолжал Миша. — Я работаю, а осел мне помогает.

— Осел — помощник! Это хорошо... Но как я тебе рад! По крайней мере есть с кем поговорить.

В последующих выступлениях успех Анатолия Дурова окончательно определился. Зрание цирка каждый вечер было переполнено.

Анатолий Дуров совершенствовался в новом жанре, сочинял куплеты и сценки на местные темы. Работать приходилось в условиях жестокой конкуренции и явного недоброжелательства. Его успех вызвал зависть в труппе цирка. Особенно враждебно были настроены клоуны. Их

вражда росла с каждым днем, потому что конкуренция с Анатолием Дуровым была не под силу. Клоуны в цирке Труцци не владели русским языком. За исключением Анатолия и Миши, все артисты в цирке Труцци были иностранцы — немцы, итальянцы, французы.

Но если бы конкурировавшие с Анатолием Дуровым клоуны и владели русской речью, им было чуждо содержание, которым Дуров наполнял свои выступления. И одаренность его была велика. Он сам сочинял свои куплеты, сценки и шутки, постоянно их обновляя, в то время как другие клоуны пользовались шаблонами, изо дня в день повторяя одни и те же приемы, одни и те же затасканные остроты.

Не в силах соперничать с Анатолием Дуровым, клоуны старались выжить его другим путем.

Миша советовал Анатолию быть осторожнее, потому что против него интригуют. Анатолий, счастливый сознанием своего растущего успеха, не обратил внимания на предупреждение.

В тот вечер он с большим подъемом прочитал вступительный монолог. Еще не окончив монолога, почувствовал жгучую боль в мускулах рта. Боль расплзалась к щекам, по всему лицу, покрывшемуся обильной испариной от мелькнувшей мысли, что выступление сорвано. Служитель подал ему ходули. Анатолий оттолкнул их и, подняв руку, хотел обратиться к публике, но не мог сказать ни слова от режущей боли и опрометью убежал с арены.

В уборной он бросился к умывальнику. Умылся, однако легче не стало.

Сбежались артисты. Пришел директор. В дверь уборной заглядывали зрители. Анатолий сидел спиной к любопытствующим, закрывая ладонями лицо, горевшее, как в огне.

Старик Труцци был разгневан. В такие минуты он особенно плохо говорил по-русски и больше ругался по-итальянски.

— Почему вы убегае́ли?! Я спрашива́й, почему вы убега́е́ли? — повторял он. — Отвечайт!

Анатолий жалобно простонал, обернулся и открыл лицо, сплошь покрытое багровыми пятнами. Знаками показывал, что не может говорить.

Труцци отшатнулся.

— Что такой? Почему ваш та́кой лицо?

Пригласили врача из публики. Врач осмотрел лицо Анатолия, задал несколько вопросов.

— Это ваш ящик? — спросил врач, взглянув на ящик с мелом, которым Анатолий, гримируясь, покрывал лицо.

Врач взял из ящика щепотку мела, положил на ладонь, поглядел.

— В мел насыпана негашеная известь, — сказал он, обращаясь к директору. — Лицо вашего артиста обожжено известью. Если это сделано умышленно, то это называется преступлением. Некоторое время он не сможет выступать.

Анатолия отвезли на извозчике в гостиницу. Его выход был заменен. После представления Труцци собрал свою труппу и в энергичной смеси русских и итальянских слов высказал свое мнение о случившемся.

— Я буду узнавать, какой негодяй портил лицо бедный талантливый мальши́к, — закончил свою речь старый директор. — Негодяй будет садиться в тюрьма!

Но случай этот не имел последствий. Труцци не мог посадить в тюрьму всех своих клоунов.

Врач, осмотревший лицо Анатолия, оказался любителем цирка. Благодаря его заботливому и умелому лечению на лице Анатолия через две недели не осталось даже и следа ожогов. Старик Труцци был очень рад, что все обошлось и «бедный талантливый мальши́к» вернулся в его цирк. Однако он удержал из жалованья Анатолия за все время его болезни, включая и день происшествия.

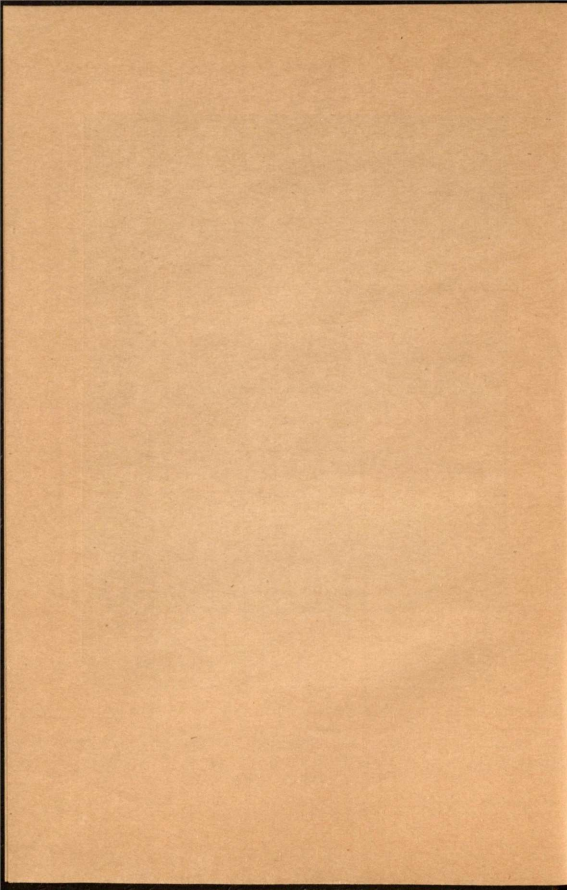
Случай с негашеной известью все же имел и положительную для Анатолия сторону. За те дни, что он просидел дома, у него было достаточно времени осмыслить свое новое положение в цирке и подумать о будущем. Прав оказался тот рабочий-зритель, который посоветовал ему выступать с злободневным материалом. Права оказалась и Тереза в своей уверенности, что он один сможет держать внимание зрителей.

Случай с негашеной известью имел еще и ту положительную сторону, что в Воронеж приехала Тереза...

Воронежские зрители не забыли Дурова. После двухнедельного перерыва его выступление было встречено с большим интересом. Каждая новая шутка вызывала дружное одобрение всего цирка. Публика ценила импровизаторские способности нового клоуна.

— Я очень устаю, — сказал Анатолий после одного из представлений. — Мне нужен какой-то помощник.

— Но тогда ты не будешь соло-клоуном, — откликнулась Тереза. — И твоя программа не такова, чтобы выступать с партнером.

— Мне нужен не партнер, а помощник, — возразил Анатолий, — такой, например, как у Миши.

— Какой у него помощник? — удивилась Тереза.

— Осел!.. Его помощник — осел. Мише легче работать, когда он выступает со своим ослом. Вот и я хочу завести себе помощника. У меня давно уже явилась такая мысль.

— Ты хочешь завести себе осла?

— Зачем осла? Два осла — это уже плохо. Можно барана... Такой партнер будет только помогать. Он не станет претендовать на известность и положение в обществе и будет довольствоваться одной кормежкой.

Не барана взял своим первым помощником Анатолий Дуров, а поросенка, купив его за двугривенный на воронежском рынке. Такой выбор не был случайным. В Москве в цирке Саламонского Анатолий видел, как нравились зрителям дрессированные свиньи итальянского клоуна Танти-Бедини. А еще в детстве дядюшка Павел Павлович говорил ему, что собаки и свиньи — самые сообразительные животные и легко поддаются дрессировке.

Но трюки, которые проделывали дрессированные свиньи Танти, были, так сказать, самодовлеющие. Танти только демонстрировал свою дрессировку. Анатолий Дуров задумал другое. Поросянок будет действующим лицом в его комических сценках, живой иллюстрацией к шуткам и куплетам.

Он взялся за обучение «помощника». Когда-то дядюшка учил его любить животных, обращаться с ними ласково и терпеливо, побуждать к послушанию лакомым куском, а не палкой. Анатолий вспомнил дворовую собачонку Марьку, которую он учил носить за собой в пансион ранец с учебниками.

Поросянок оказался понятливым учеником. Скоро Анатолий Дуров смог выступать с ним в воронежском цирке. Работать стало легче. Выступления с поросенком имели шумный успех, и это воодушевляло к дальнейшим опытам. Он взял в помощники еще собаку и барана. Эти три по-

мощника стали выступать в новой программе Дурова под кличками Пятачков, Собакевич и Баранов.

Труцци часто показывал дрессированных зверей. Но впервые зрители увидели артиста, у которого звери служили для юмористического обозрения местной жизни. Такое представление запоминалось и смешило гораздо больше, чем привычное шутовство клоунов. Нравилось зрителям и то, что животные у Анатолия Дурова выглядели веселыми и охотно ему повиновались.

Молва о необычайных выступлениях русского клоуна облетела все уголки города. О них заговорили в квартирах чиновников, в купеческих особняках, в домишках ремесленников и рабочих, в дворянских гостиных, на улицах и рынках. Даже те, кто никогда не интересовался цирком, спрашивали, что еще придумал и о чем говорил «этот Дуров».

Местному полицмейстеру Мишину не понравилась такая популярность. Он стал требовать на просмотр тексты выступлений Анатолия Дурова и расправлялся с ними, вычеркивая и сокращая.

После близкого знакомства с полицией в Твери Анатолий остро не взлюбил всех полицейских чинов. Репетируя новую сценку, он попросил у своего друга Миши позволения показать в ней его осла. На представлении осел очень бойко проделал все, что от него требовалось. Зрители выражали одобрение. Анатолий раскланялся, поднял руку, требуя внимания, и сказал:

— Аплодируйте не мне!.. Это осел Мишин!

По рядам зрителей пронесся взрыв смеха. Анатолий сделал испуганно-растерянное лицо.

— Господа!.. Вы, должно быть, не поняли. Я хочу сказать, что это осел не мой, а рыжего Миши!

Хохот в цирке усилился. Эта поправка еще больше развеселила публику: у полицмейстера Мишина были рыжие бакенбарды.

Директор цирка имел неприятное объяснение с полицмейстером.

— Я вас заверяю, господин полицмейстер, — говорил старик Труцци, прикладывая для убедительности коротенькую пухлую руку к сердцу. — Здесь не мог быть никакой злой мисл. Это ошень хороший мальшик. Я не могу его вигоняй за то, что господин полицмейстер увидалъ здесь какой-то злой мисл.

Дело дошло до губернатора. Губернатор не любил грубого солдафона Мишина, и претензия его была оставлена без последствий.

Анатолий не пострадал. Даже выиграл от этой истории, прибавившей ему популярности. Но старик Труцци погрозил ему пальцем, после того как «история» была улажена.

— Я говорил всем, что ты не держаль злой мисл. Но сам я не очень в то вериль. А говорил потому, что ты естъ артисто и ты мне нужен.

Анатолий Дуров был нужен директору цирка не только потому, что помогал делать хорошие сборы. Его растущий успех возбуждал острую зависть других клоунов, заставлял их работать лучше, придумывать новые трюки. Другого средства конкурировать с Анатолием Дуровым не было. После того как в Воронеж приехала Тереза, исчезла возможность выжить его явной враждой, интригами, подвохами. Тереза сделалась надежным и бдительным ассистентом своего мужа. Она подготавливала каждое выступление Анатолия Дурова, заботливо наблюдая, чтобы клоуны-конкуренты как-либо не повредили ему.

В цирке Труцци Анатолий Дуров не нашел творческого содружества артистов. Он встретил здесь сначала недоброжелательство и вражду, позднее — лесть, за которой скрывалось все то же недоброжелательство. Но сам Труцци и его семья относились к нему внимательно и сочувственно. Старик часто говорил: «Ты ошень способный. Ты будешь большой артисто». Похвала многоопытного циркового деятеля воодушевляла Анатолия. Директор аккуратно выполнял условия. О большем Анатолий не мог и мечтать.

В цирке Труцци поддерживались образцовый порядок и строжайшая дисциплина. Директору помогал в управлении труппой старший сын Родольфо. Нарушение правил, касающихся работы артистов в часы представлений или на репетициях, каралось денежным штрафом, повторное нарушение — увольнением. Артисты обязаны ежедневно репетировать свои выступления, а также оставаться и на репетициях пантомим, в которых участвовала вся труппа. Репетиции сложных пантомим нередко продолжались до вечера.

Такая работа не утомляла Анатолия, а дисциплина его радовала. Он готов был вечно служить в этом цирке.

Старый директор главное внимание уделял трем жанрам циркового искусства — наездникам, клоунаде и пантомимам. Три сына и дочь Труцци были замечательными наездниками. Кроме них еще выступал жокей-француз Маньон со своей воспитанницей Александриной.

Наездницу Александрину все находили очень милой девушкой, а Жижетто, второй сын Труцци, с которым она выступала в паре, влюбился в нее. Александрина отвечала ему взаимностью. Маньон категорически отказал в своем согласии на их брак. Ему это было невыгодно. Александрина считалась его воспитанницей. «Воспитать» на языке старых цирковых артистов значило, прежде всего, обучить своему ремеслу. Цирковые артисты очень часто брали на воспитание ребят из семей бедняков, попавших в безвыходную нужду. Родители передавали воспитателю за небольшую сумму свои права, а приемыш должен был платить за содержание и обучение работой в цирке.

Таким приемышем была и Александрина. Маньон клал в свой карман жалованье, которое она получала в цирке Труцци. Брак Александрины лишал стареющего наездника хорошего дохода.

Маньон приказал своей воспитаннице выкинуть блажь из головы. Он начал строго наблюдать за ней, заставлял много работать, считая, что это будет лучшим средством против любовного увлечения. Каждое утро репетировал с Александриной, и репетиции смахивали на истязание. Маньон гонял лошадь по манежу, заставляя Александрину проделывать бесконечные пируэты и прыжки. Ему все казалось, что она неохотно исполняет свои упражнения, и слишком часто тонкий конец шамбарьера обжигал стройные ножки Александрины.

Анатолий чувствовал горячую признательность к семье Труцци; ему очень хотелось помочь влюбленным, тем более, что его всегда влекло к романтическим приключениям, а в судьбе Александрины было много общего с судьбой акробатки Вареньки из балагана Вайнштока. Он уговорил Жижетто обвенчаться тайно.

Они выбрали вечер, когда шла большая пантомима «Взятие Карса». И вот, в то время как Маньон изображал на арене свирепого турецкого пашу, его воспитанница, исполнив восточный танец, выпорхнула за кулисы, но не в артистическую уборную, а к служебному подъезду цирка. Здесь ее ждали две пролетки. В первой сидели Жи-

жетто и Анатолий, во второй — Тереза. Александрина, как была в трико и балетной пачке, прыгнула к Терезе. Пролетки помчались в костел.

После венчания молодые отправились в гостиницу, где жили Анатолий с Терезой. Оттуда, соблюдая приличия, Жижетто послал Маньону краткое уведомление: «Не беспокойтесь об Александрине. Она обвенчана. Жижетто».

В этой романтической истории пострадавшим оказался только Анатолий. Старик Труцци не противился браку своего сына с наездницей Александрinou, но вызвал Анатолия и сказал официально:

— Я считал вас хороший мальшик. Я помогал вам делаться артисто. Но ви оказались опасний нарушитель порьядок. Кто вам позволяль мешаться в чужой семейный дела? Такого потерпеть нельзя!

РУССКИЙ КЛОУН АНАТОЛИЙ ДУРОВ

С тоял конец зимы. Перебился Анатолий неделю-другую на случайных заработках и вернулся на последние деньги в Москву с женой, малюткой-сыном и дрессированными зверями.

Ехать в Чернышевский переулок к Николаю Захаровичу не решался. Оставив Терезу на вокзале, стал ходить по меблированным комнатам... Как только узнают о дрессированных зверях — отказывают.

— Вы с меня возьмите вдвое, — упрашивал Анатолий, — только пустите на несколько дней.

— Что вы! Да мы этак всех своих постоянных жильцов разгоним. Много у вас зверья-то?

— Пустяки. Не более десятка.

— Это пустяки? А какое зверье?

— Разное. Баран, козел, две собаки, петух, свинья.

— Как? Свинья?! И с такими животными вы хотите в меблированных комнатах жить?

— Звери ведут себя благородно. Я буду за ними наблюдать.

— Нет, прощайте!

Один из содержателей меблированных комнат, услышав, что жильцами будут свинья, козел и баран, заподоз-

рил Анатолия в умопомешательстве. Другой принял его за помещика.

— Вероятно, — сказал он, — вы привезли образцы своих животных?

— Не совсем, — уклончиво ответил Анатолий.

— Или, — продолжал «проницательный» хозяин, оглядывая Анатолия, — остатки бывшего величия для распродажи?

— Опять не угадали.

— А то можно бы их поместить куда-нибудь в сарай.

— Зимой в холодном сарае мои звери не могут жить.

— Скажите пожалуйста! Что это у вас за диковинные звери?

— Очень диковинные. Это — артисты! Позвольте представиться: клоун Анатолий Дуров с труппой дрессированных зверей.

— А-а!.. Так вы клоун?

— Да, — сказал Анатолий, — я клоун.

— Ну, так бы сразу и говорили. Знаю я вашего брата, шерамыгу! Никого из вас на порог не пущу.

Хозяин превратился в грубого хама.

— Уходи!

— Позвольте, — пробовал отшутиться Анатолий. — Вы, может быть, знаете столичных клоунов, а я — провинциальный.

— Один сорт. Проваливай!

После долгих блужданий он отыскал на окраине Москвы меблированные комнаты отчаянного вида, в которые его пустили без долгих разговоров.

— Я ведь с животными, — предупреждал Анатолий.

— Ничего-с, можно и с животными.

— При мне будут находиться свинья, баран, козел, собаки.

— Ничего-с.

— Потом не претендуйте.

— Помилуйте, мало ли кто у нас останавливается...

Анатолий нанял извозчика и подводу и перевез в эту тихую пристань жену с ребенком и зверей. Денег осталось только заказать самовар. Из съестного у них нашлось ломоть хлеба, несколько кусков сахару и на заварку чая.

Делать нечего, пришлось на другое утро идти в Чернышевский переулок...

Николай Захарович встретил его по-родственному и

даже обнял и расцеловал, чего никогда не случалось в прошлом.

Это растрогало чувствительного Анатолия, и он, согретый лаской близких людей, чистосердечно рассказал Николаю Захаровичу о своих удачах и неудачах. В тот же день в Чернышевский переулок переселились семья и звери Анатолия.

У Николая Захаровича опять появилась надежда, что его приемный сын может излечиться от любви к цирку. У него теперь жена и ребенок, которые требуют постоянной заботы. Николай Захарович был даже доволен, что Анатолий снова очутился в критическом положении.

Но надежда исчезла при первой же попытке склонить его к «честному» труду.

— Как? — возразил Анатолий. — А разве профессия клоуна — не честный труд?

— Разумеется, нет, — резко сказал Николай Захарович. — Это есть вымогательство денег у публики путем шутовства.

Рассердился и Анатолий. У него уже были свои собственные наблюдения, свой жизненный опыт.

— Нет, — сказал он твердо, — профессия клоуна — искусство, которое любит народ.

— Какое искусство? Уродливые жесты, глупые гримасы, исковерканная речь, — Николай Захарович пожал плечами и вздохнул.

— Вы неправы, отец! — горячо доказывал Анатолий. — Да, к сожалению, в цирке слишком много таких клоунов. Но это потому, что наш цирк находится в плохих руках и подавляющее большинство клоунов иностранцы, не владеющие русской речью. Они превращают искусство клоуна в пошлое шутовство. Но есть и настоящие артисты...

— И ты, конечно, из таких? — усмехнулся Николай Захарович.

— Да. Я — один из таких, — гордо сказал Анатолий. — Вернее, я буду таким. Я — русский клоун Анатолий Дуров!

— Русский клоун Анатолий Дуров, — повторил с уничтожающей иронией Николай Захарович. — Подумай, что ты говоришь! Дуров — старинная, столбовая дворянская фамилия. Твой отец не снес бы такого бесчестия!.. Брось это скверное занятие. Возьмись за что-нибудь другое.

— Ни к чему другому у меня сердце не лежит.

— Шутловством век не проживешь. А ты должен позаботиться не только о себе, но и о своей семье, о жене и ребенке, о своих будущих детях. Отец-шут не сможет их правильно воспитать. Твое слепое увлечение грозит гибелью не только тебе, но и твоим детям.

— Отец, я вас почитаю, но согласиться с вами не могу. Я уже прошел самое трудное испытание. Вспомните: вы мне предсказывали скорую гибель от пьянства и разврата. Я не пьяница и не развратник. И скажу вам, что среди цирковых артистов пьяниц и развратников гораздо меньше, чем в любом другом обществе, потому что цирковой артист знает, что он сможет успешно работать только до тех пор, пока ведет аккуратную жизнь; он знает, что надо быть хорошим и старательным работником, чтобы зарабатывать и откладывать на старость...

Спорили до глубокой ночи в кабинете Николая Захаровича. Оба были раздражены. Анатолия задевали высокомерие, несправедливые нападки на то, что он считал уже своим кровным делом. Николай Захарович, привыкший, что его домашние всегда и во всем с ним соглашались, был неприятно удивлен: Анатолий возражает, и довольно красноречиво, не идет ни на какие уступки.

Кончился этот, последний для них, спор тем, что Анатолий с утра отправился искать «ангажемента» в провинцию. Подходящего случая не подвернулось, и он предложил свои услуги прибывшему в Москву цирку Шумана. Директор, важный, надутый, встретил его очень сухо.

— Кто вы?

— Русский клоун Анатолий Дуров.

— Русский клоун? — высоко поднял брови Шуман. — Анатолий Дуров?.. Не слышал такого.

— Очень возможно. Я приехал из провинции.

— Так и возвращайтесь в провинцию. А здесь — столица. Мне нужны мастера.

— Дайте мне дебют.

— Я вам сказал: мне нужны мастера.

— Прошу вас: только дебют. Может быть, ваше мнение изменится.

— Что за глупости! — вспылил директор. — Прощайте, некогда!

Печально возвратился Анатолий домой. Настроение

его было тем более подавлено, что ему с семьей приходилось жить за счет Николая Захаровича.

Татьяна Даниловна вздыхала, качала укоризненно головой и о чем-то все говорила с Терезой. Видимо, настраивала ее против цирка.

Не мог Анатолий рассчитывать и на поддержку и сочувствие брата. Когда-то выступавший вместе с Анатолием в балагане, Владимир служил в канцелярии, и хотя очень успешно занимался дрессировкой животных и показывал свое искусство в частных домах, как будто перестал мечтать об артистическом пути.

Тереза, однако, по-прежнему верила в будущее своего мужа.

— Ну что же, что отказал, — утешала она приунывшего Анатолия. — Сегодня отказал, а завтра, может, и согласится. Надо быть настойчивым.

На другой день Анатолий опять явился к Шуману. Тот узнал его.

— Это опять вы?

— Да... Я все-таки прошу вас дать мне дебют.

— Но ведь я уже говорил вам, что у меня служат только опытные артисты. Если бы даже ваш дебют и прошел, вам будет очень трудно.

— Это уж мое дело.

— Сейчас мне некогда. Приходите через неделю.

Прошла неделя. Шуману все еще было «некогда».

— Я должен сначала просмотреть вашу программу. Но я очень занят.

— Разрешите мой дебют, и я покажу вам мою программу, — предлагал Анатолий.

— Нет, так нельзя. Мой цирк не балаган. Зайдите как-нибудь в другой раз.

В следующий раз директор сказал:

— Вы мне надоели, и чтобы от вас отвязаться, я решил дать вам пробу на репетиции.

— Спасибо и за это. Когда можно предстать?

— Завтра.

Анатолий явился в сопровождении Терезы и всех своих зверей. На его «пробе» присутствовали все артисты большой труппы Шумана. Ассистентом Анатолия была Тереза. Она держалась со спокойным достоинством, и ее спокойствие и уверенность передались Анатолию. Не обращая внимания на язвительные замечания артистов, он всю

программу вел в прекрасном темпе. Шуман сосредоточенно всматривался и по окончании пробы сказал:

— Ничего... Пожалуй, я вам дам дебют. Но предупреждаю: если вы не понравитесь публике, не возьму и за десять рублей в месяц.

Готовясь к дебюту, Анатолий перебирал свои коленкорые и ситцевые балахоны. Они имели жалкий вид.

— Не могу я выступать в этом тряпье, — сокрушенно повторял он.

— Но ведь все клоуны так выступают, — возразила Тереза.

— Чтобы валяться в опилках и получать затрещины, лучшего, конечно, не надо, — Анатолий отбросил ногой балахоны. — А я выступаю в новом жанре. Это тряпье унижает меня в глазах публики. Я хочу выступать в нарядном, дорогом, шелковом или атласном костюме.

— Ого! — засмеялась Тереза. — У нас нет денег на такой.

— Нет денег, — повторил Анатолий и задумчиво поглядел на тяжелые шелковые шторы, до половины закрывавшие окна их комнаты. — Вот такой материал, — он кивнул на шторы, — очень подошел бы для моего выступления.

— Прекрасный светло-голубой тон, — продолжал Анатолий, спуская и рассматривая штору. — Тут вполне хватит на костюм... Поехать разве к Николаю Захаровичу попросить? Да нет, не разрешит, как узнает, что это для «клоунства». — Анатолий тяжело вздохнул. — А могла бы ты сшить мне из такого материала костюм? — вдруг спросил он жену.

— Конечно, могла бы.

— По моему рисунку, совершенно нового, небывалого фасона? — спрашивал Анатолий.

— Думаю, что могла бы, — ответила Тереза. — Но к чему этот разговор, если у нас нет средств?

— Пожалуй, придется обойтись без разрешения. — Он вскочил на широкий подоконник.

— Что ты хочешь делать? — испуганно спросила жена.

— Хочу снять эту штору и пустить ее в дело. Пусть послужит искусству.

— Анатолий, перестань! Что подумает Николай Захарович!

— Беру все на себя!.. Крестный достаточно богат, что-

бы подарить своему приемному сыну одну старую шелковую штору. А кроме того, у него будет прекрасный повод поговорить на тему о том, что клоунство — презренное занятие, которое довело меня до воровства.

И он снял штору и с помощью Терезы сшил себе роскошный костюм, которому суждено было произвести сенсацию в цирковом мире и вызвать многочисленные подражания.

Костюм, сшитый по рисунку Анатолия, был хорош, но Николай Захарович остался очень недоволен поступком Анатолия и, как Анатолий предвидел, сказал:

— Ну вот, говорил я тебе, что клоунство к добру не ведет. Так оно и вышло. Воровством заниматься начал.

Зато дебют Анатолия Дурова в цирке Шумана прошел с большим успехом.

Москвичей привели в восторг и оригинальная юмористическая программа с участием дрессированных животных, и роскошный костюм нового клоуна, и то, что он был русским клоуном.

На рекламных щитах и афишах по всей Москве замелькали, привлекая внимание прохожих, набранные огромными литерами слова: «Русский клоун Анатолий Дуров!»

От Шумана он перешел в цирк Саламонского. И здесь торжествовал над всеми конкурентами.

На ярко освещенную арену выходил в голубом камзоле, с пышным белым жабо и пелериной, красивый молодой человек, без традиционного уродливого клоунского грима, с живыми, смеющимися глазами. Приветствуя публику поднятыми руками, он декламировал вступительный монолог о шутах и дураках. Танцевал на ходулях, прыгал с трамплина через препятствия и проделывал другие акробатические штуки, сопровождая их каламбурами и остроумиями. Далее следовало «внутреннее обозрение»:

Дом покосившийся, стекла разбитые,
Вместо забора следы частокола,
Двери и окна для ветра открытые —
Вот она, русская сельская школа!..

Домик уютненький, все так приветливо,
Солнышко, травка.. «Здравствуй, сиделец», —
«Наше почтение», — скинута шапка, —
Вот и казенная винная лавка!..

Прекрасный, звучный голос привлекал внимание, заставляя слушать с напряженным интересом «обозрение», в котором чередовались стихи и проза. Чутко прислушивалась к таким обозрениям публика, занимавшая верхние ряды сидений и галерку. Среди этой публики было много бедных студентов, рабочих, мелких служащих.

В эту пору начал выступать и Владимир Дуров. С его помощью Анатолий показал в цирке Саламонского забавный трюк.

«Мгновенный перелет через цирк! Сенсационный номер Анатолия Дурова!» — кричали афиши.

— Мой перелет будет настолько быстрым, что уловить его нельзя даже вооруженным глазом, — объявил публике Анатолий. — Предлагаю внимательно следить за исполнением этого номера!

На специальных площадках под куполом цирка были установлены, один против другого, два больших ящика. Анатолий Дуров взобрался под купол, откинул крышку и сел в ящик. Крикнул зрителям «прощайте!», выстрелил из револьвера и захлопнул над собой крышку. В тот же момент откинулась крышка другого ящика; перед глазами пораженной публики в нем появился, приветствуя зрителей, Дуров. Выстрел, крышка захлопнулась — и зрители увидели Дурова в первом ящике.

Успех трюка был огромен.

В те годы в Петербурге и Москве многие образованные и высокопоставленные люди увлекались спиритизмом. В фокусе Дурова кое-кто усматривал участие сверхъестественного начала. Другие говорили, что тут не обошлось без массового гипноза.

Анатолия Дурова вызвал к себе генерал-губернатор.

Анатолий явился к нему крайне встревоженный. Но, к великому удивлению, Долгоруков принял его любезно и даже пригласил сесть.

— Меня заинтересовал ваш фокус, — сказал князь. — Как вы этого достигаете?

— Не решаюсь сказать, ваше сиятельство...

— Мне можно. Я не разглашу вашего секрета.

— Не потому, ваше сиятельство... Уж очень прост мой секрет.

— Ну, все-таки! Ничего подобного я еще не видел.

— Да нет, ваше сиятельство, слишком просто. Мне даже неловко говорить.

— Говорите. Я приказываю!

— Ну, если приказываете... Видите ли, ваше сиятельство: в одном ящике сидел я, а в другом — мой брат. Я посадил его в это одиночное заключение задолго до начала представления, когда в цирке еще не было ни души. Брат очень похож на меня и, как вы изволили видеть, был одет в одинаковый костюм. Об этом не знал никто даже из цирковых служителей...

— Так вот что! — с досадой перебил Долгоруков. — Там был ваш брат? А я-то полагал...

Генерал был так разочарован, что Анатолию сделалось очень смешно, и он с трудом подавил улыбку. Всесильный вельможа вдруг предстал в его глазах старым ребенком. Дуров с любопытством смотрел на разочарованного саванника, вспоминая сплетню о том, что он лыс и носит парик.

— Мне тем более удался этот фокус, ваше сиятельство, что голос брата очень похож на мой.

— Да, да, — промямлил генерал, — удивительно похоже. Да, остроумно. Но... лучше бы вы мне не рассказывали.

— Как, ваше сиятельство! Вы же приказали?!

— Я не думал, что это так просто. Я предполагал замысловатость. По существу, вы дурачили публику.

— А что такое фокус, ваше сиятельство? Каждый фокусник, по существу, дурачит публику.

— Это, конечно, так, но все же...

Начиналась большая известность Анатолия Дурова. Но как раз в эту пору пришлось ему пережить самый черный день, самое большое испытание.

Заболел воспалением легких его малютка-сын. Болезнь быстро приняла угрожающий характер. В тот вечер доктор сказал, что надежды нет. Анатолий послал директору цирка записку с просьбой освободить его от участия в представлении.

Саламонский прислал краткий ответ:

«Освободить не могу».

— Передай ему, что у меня умирает сын, — сказал служителю Анатолий.

Снова явился к нему посыльный:

— Хозяин приказал обязательно быть в цирке.

Анатолий пренебрег приказанием.

Приехал распорядитель.

— Если вы сейчас же со мной не явитесь в цирк, будете уволены!

— У меня умирает сын! Понимаете — сын! — крикнул вне себя Анатолий. — Передайте Саламонскому, что я у него больше не служу!

— Прошу вас, успокойтесь, — забормотал не ожидавший такого отпора распорядитель. — Может быть, еще ваш сын и не умрет. Что же делать? Публика требует. Хозяин запретил возвращаться без вас. Пожалуйста в экипаж.

— Не пойду!

— Публика поднимет скандал. Придется возвращать деньги.

— Не мое дело! Я больше не служу у Саламонского.

— Простите, но я вынужден передать. Хозяин грозил полицией. Он сказал: «Если не пойдет, притащу с полицией».

— Передайте вашему хозяину, что он — бессердечный негодяй!

— Но что мы скажем публике?

— Скажите — у Дурова умирает сын. Публика поймет. Она не так бессердечна, как ваш хозяин.

— Не могу.

— Так что же, по-вашему? Явиться мне на арену с умирающим ребенком на руках?!

— Поезжайте со мной, исполните ваш номер и возвращайтесь к вашему ребенку.

— Боже мой! — застонал Анатолий. — Да поймите же вы, дикий человек, что я не могу работать! Со мной делается дурно.

— Ничего-с, пусть будет дурно. Публика увидит, что программа не выполняется не по нашей вине.

— Вон!! — закричал Анатолий, бросаясь на администратора с кулаками.

Жадность дельца, заботящегося о сверхсборах, привычка к беспрекословному повиновению подчиненных побудили Саламонского выполнить угрозу и послать к Дурову полицейских.

Анатолий сидел с женой над кроватью задыхающегося

ся ребенка, когда в квартиру вломился тот же администратор с двумя дюжими городовыми.

— Как вы смеете!! — закричал Анатолий. — Я буду жаловаться! Вон!! Оставьте меня!..

Его отчаянные протесты не помогли. На него накинули пальто, нахлобучили шапку, под руки вывели на улицу и усадили в пролетку.

В цирке директор и артисты встретили его градом упреков. Провели под конвоем в уборную. Заставили переодеться, положить пудру на лицо, подвести глаза.

Машинально, как в тяжелом сне, проделал все это Анатолий. Его существо как бы раздвоилось. Сознанием он был в комнате, где над кроватью умирающего малютки в молчаливом горе склонялась Тереза. На арену же привычно, с застывшей на лице улыбкой, вышел клоун Анатолий Дуров.

Странное это было, единственный раз в жизни пережитое, состояние. Кто-то крикнул ему вслед: «Что же вы один? А ваши скоты?» Распорядитель объявил: «Оригинальный клоун Анатолий Дуров!» Публика аплодировала. Он ничего не слышал...

Обошел светлый круг арены и начал читать монолог. Теперь до его сознания доходил только собственный голос. Исчезла комната с кроваткой сына, не было и публики. Остался покрытый пестрым ковром яркий круг арены, и в центре круга — его голос. Он знал, что надо говорить так, чтобы каждое слово дошло до публики.

После монолога Анатолий старательно проделал несколько акробатических трюков, декламировал куплеты.

И вдруг в самом смешном месте с него слетела пелена забвения. С поразительной четкостью он увидел своим внутренним зрением детскую кроватку и в ней умирающего сына. Сердце его защемила такая тоска, что он замер на месте и обвел недоумевающим взглядом ряды смеющихся зрителей. И это показалось зрителям так забавно, что они опять стали аплодировать. А клоун Анатолий Дуров, не в силах сдержать приступа острого горя, упал лицом на ковер.

Тут уж публика поняла, что происходит что-то недоброе. Наступила тишина. Подбежавшие служители подняли Анатолия, увели с арены.

Из цирка он, как был, в пышном клоунском наряде, помчался домой. Но сына уже не застал в живых. Над кроватью с окаменелым лицом сидела Тереза. В своей руке она держала холодеющие ручки ребенка.

Анатолий Дуров не бросил цирка. И даже прослужил у Саламонского до конца контракта. Но с этого дня в его отношении к окружающей действительности обозначился резкий перелом. До сих пор он играл на арене веселого молодого человека, остроумно высмеивающего общественные язвы. Зрителям казалось, что этот молодой человек ведет с ними занимательную беседу, перемежая ее гимнастическими трюками и сценками с дрессированными зверями.

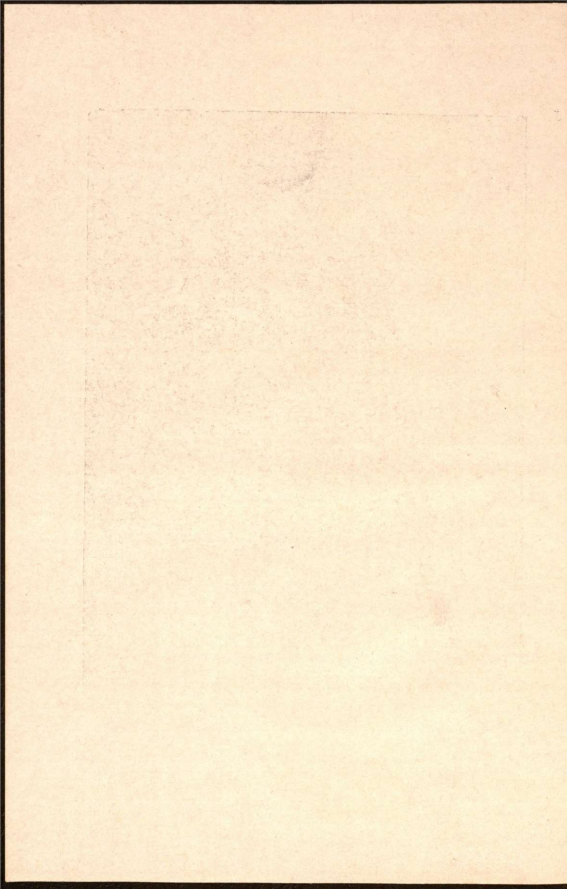
На глазах у москвичей менялся его артистический облик. Анатолий Дуров становился злее. Он слишком много пережил в свои двадцать два года. Он на себе испытал, каково живется рядовым труженикам в этом мире грабежа и произвола богатых, бедности и забитости простых людей. В его выступлениях все сильнее звучало обличение конкретных носителей того, что представлялось ему общественным злом. Его поддерживало явное сочувствие той части публики, на которой и держался успех цирковых зрелищ, — рабочей и служилой бедноты, мещан-ремесленников, учащейся молодежи.

Анатолий остро чувствовал свой контакт с этой публикой, которая, собственно, и представляла народ. Это питало его талант, придавало ему необычайный творческий подъем, заставляло напряженно и много работать над каждой деталью своих выступлений.

Особенно злыми были шутки Дурова, направленные против полицейских «порядков». Губернаторы и полицмейстеры круто расправлялись с ним, штрафовали, высылали. Но, высланный из одного города, он в другом продолжал свои сатирические выступления. Он узнал высокую радость служения народу и готов был ради этой цели переносить любые гонения. Он забывал все неприятности, когда видел аплодирующих зрителей и слышал крики «браво, Дуров!»

Он стал называть себя русским народным шутком, и администрации приходилось считаться с его быстро растущей в народе популярностью. В двадцать пять лет он уже

стал знаменит. Приезд Анатолия Дурова в любой из городов обширной Российской империи был событием в жизни этого города.

Вот приехал я,
И со мной свинья,
Кошки, зайцы, лисы,
Петухи и крысы.
Буду всех пленять
И увеселять
Массой каламбуров,
Анатолий Дуров!..

Каламбуров и шуток у него имелось множество, и почти всегда они были сатирически заострены. В Харькове, представляя своих зверей публике, он между прочим сказал:

— А вот мои свиньи; они хорошо поют песни. Пошел я сегодня в полицию получать право на их выступление, а мне говорят: «Покажите ноты и тексты песен». — «Свиньячьего языка не знаю, по-свински не разговариваю», — ответил я и ушел. Пришлось этот номер отменить.

Это было сказано экспромтом и заключало в себе очередной выпад против полиции. Но среди публики нашлось немало простодушных людей, поверивших, что дуровские свиньи и в самом деле могут петь.

На другой день толпа горожан шла за Анатолием Дуровым, ехавшим по главной улице на тележке, в которую была впряжена черная свинья. Дуров разъезжал на свинье для рекламы. Но «скопление народа» не понравилось властям. Дурова бегом догнал околоточный надзиратель с двумя городовыми.

— Господин Дуров, пожалуйста за мной!

— А в чем дело, позвольте спросить?

— Не разрешается ездить на свиньях по городу.

— Разве есть такое постановление?

— Не разрешается ездить на свиньях, — внушительно повторил околоточный. — Прошу следовать за мной. Господа посторонние, прошу разойтись!

Дуров был возмущен.

— Вы не имеете права задерживать меня, если я соблюдаю правила уличного движения.

— Во избежание неприятных недоразумений, господин Дуров, прошу следовать за мной!

Делать нечего, Анатолий Дуров покатил на своей тележке за околоточным. По обе стороны шагали, придерживая шашки, городовые. А в некотором отдалении, помирая со смеху, шли горожане, и число их все возрастало.

Вскоре торжественно-комическая процессия остановилась у дома полицмейстера.

— Что же это вы, господин Дуров, безобразите?! — сурово встретил его полицмейстер. — Я разрешил ваши гастроли, а вы позволяете себе непристойные шутки, да еще и разъезжаете под моими окнами на черной свинье... Чтобы вам впредь не повадно было, я вас оштрафую.

— Покажите мне — где написано, что езда на свиньях запрещается? — возразил Дуров. — Я тотчас уплачу штраф, если вы мне это покажете.

Полицмейстер оказался в затруднительном положении. Официально езда на свиньях никогда и никакой властью не запрещалась, а правила уличного движения Дуров соблюдал.

— Все равно, — сказал, нахмурясь, полицмейстер, — я своей властью не разрешаю. Вы уплатите штраф.

— Нет, не уплачу, — возразил Дуров, вынимая из кармана дорогой серебрянный портсигар и доставая из него папиросу. — Не угодно ли? — предложил он полицмейстеру.

На внутренней стороне верхней крышки портсигара бросалась в глаза крупная золотая монограмма. Полицмейстер скосил на нее глаза.

— Подарок московского генерал-губернатора, — кивнул Дуров на монограмму.

— Что вы говорите?! — удивился полицмейстер. — Позвольте взглянуть... «Русскому оригинальному артисту Анатолию Дурову от князя Долгорукова», — прочитал он. — Гм, да... Поздравляю! Это при каких же обстоятельствах, позвольте полюбопытствовать, вы получили такую, можно сказать, драгоценную память?

— Недавно... В мой бенефис, — небрежно сказал Дуров, щуря на полицмейстера смеющиеся глаза.

— Да-с, можно сказать, ценно, очень ценно! Рад познакомиться ближе с таким артистом... Ну-с, будем, как говорится, считать инцидент исчерпанным. До свиданья!

Талант импровизатора позволял ему быстро откликаться на злобу дня. В восьмидесятых годах нашумело

банкротство крупного частного банка в городе Скопине. Приехавший сюда на гастроли Анатолий Дуров немедленно использовал этот случай в своей программе.

— Господа, — обратился он к зрителям, — не одолжите ли вы мне денег?

— Сколько?! — раздалось из рядов.

— Это зависит от вашего состояния.

Собрав небольшую сумму, Дуров молча и поспешно направился к выходу.

— Куда же это вы? — остановил его распорядитель. — С чужими-то деньгами?

— Ах, пропустите, — ответил торопливо Дуров, — разве не видите, что я в Скопинский банк играю!

Публика разразилась аплодисментами. Но в антракте в уборную к Дурову явился некто из власти имущих и грозно спросил:

— А цензурированный экземпляр ваших рассуждений на арене имеете?

— Нет, не имею.

— Так как же вы тогда позволяете себе публичные рассуждения без цензуры?

— Мы, клоуны, от этого удовольствия избавлены. Наши рассуждения не цензуруются.

— В таком случае запомните, господин клоун: если вы позволите себе еще что-либо подобное, будете привлечены к уголовной ответственности!

— Постараюсь запомнить, — смиренно сказал Дуров.

На следующем представлении в перерыве между гимнастическими трюками к Дурову подошел распорядитель с колодой карт.

— Сыграем в дурачка, — предложил он.

— Нет, нет, — ответил Дуров, — я уже и так дурачком остался.

— Когда? Как?

— В Скопинском банке свои крохи хранил!

— Ну, если не в дурачка, так сыграем во что-нибудь другое.

— В другое?.. В другое, пожалуй, можно сыграть. Чем, говорят, ушибся, тем и лечись. Сыграем в Скопинский банчок!

— Это как же?

— А так: двое за горло, а третий — в карман!

Некто имеющий власть (он оказался большим прия-

телем директора банка) явился к Дурову в высшей степени обозленным.

— Вы опять позволили себе неуместные разговоры на арене?!

— Позволил, — спокойно ответил Дуров.

— Да как вы смеете! Да я вас — под суд!

Грозный господин пошумел и ушел ни с чем. К суду он, конечно, привлечь не мог. А выражение «Скопинский банчок» стало в городе нарицательным.

После гастролей у Саламонского, когда произошел инцидент с Пастуховым, Анатолий Дуров уехал в Петербург. Здесь он получил телеграмму о внезапной кончине Николая Захаровича. Это известие потрясло его. Но еще больше он был потрясен, когда, по возвращении в Москву, узнал подробнее обстоятельства смерти своего приемного отца.

Николай Захарович выбрал доходную профессию адвоката, так сказать, для кармана. Для души он занимался литературой и вел крупную карточную игру в Английском клубе, членом которого состоял. Он часто выигрывал, еще чаще проигрывал, но никогда не увлекался, не выходил из равновесия. В тот несчастный вечер Николаю Захаровичу сначала очень везло. Он выиграл большую сумму и поставил весь выигрыш на зеленое сукно. Проиграл и, разгорячась, начал проигрывать одну за другой крупные ставки. За ночь он проиграл все свое состояние и еще остался должен... Возвратясь домой на рассвете, Николай Захарович прошел в кабинет, присел к письменному столу, подвел итог проигрышу и четко написал под этим итогом: «Нет, не отыграться». Переоделся в новую фракционную пару, прилег на диван и принял яд.

Особняк в Чернышевском переулке и все находившееся в нем имущество были проданы с молотка. Татьяна Даниловна осталась нищей. Теперь ее опорой сделались Анатолий и Тереза.

Переживая трагическую гибель приемного отца, Анатолий винил себя, что не был достаточно внимателен к самому близкому человеку.

В тот памятный вечер, когда он высмеял Пастухова, Николай Захарович, всегда питавший отвращение к цирковым зрелищам, был на представлении. Тереза видела его. Приехал он, конечно, только ради Анатолия. Значит,

он по-прежнему принимал к сердцу судьбу своего любимца. А он, Анатолий, оказался тогда настолько мелочен в своей тщеславной гордости, что не поехал, как это следовало бы, на другой же день к Николаю Захаровичу, не обнял его, ни разу не навестил...

«Кто знает, — мучительно вздыхал Анатолий, — может быть, в его гибели есть доля и моей вины...»

Он думал о странной игре судьбы. Николай Захарович не раз предсказывал ему быструю моральную и физическую гибель, если он не оставит увлечения «акробатством» и «клоунством». И вот, влиятельный столичный адвокат, родовитый барин, имевший состояние, большое недвижимое и движимое имущество, Николай Захарович погиб, и уже забыт своими многочисленными друзьями и знакомыми, а его приемный сын, который давно уже должен был погибнуть от голода, холода, пьянства и разврата, не только не погиб, не стал бродягой и пьяницей, но полон надежд и творческих замыслов, имеет семью и даже как будто вступает в полосу материального благополучия.

В сердце Анатолия не было и тени осуждения. Он навсегда сохранил глубокую благодарность к своему приемному отцу, который заботился о нем, старался развить его разум и уберечь от того, что считал пагубным. Анатолий никогда не позволял себе критиковать поступки Николая Захаровича. Но эта смерть заставила глубже задуматься над жизнью.

Он не мог не признать правоту Николая Захаровича во многом, что касалось положения цирковых артистов. Сам Анатолий теперь хорошо знал, что многие из подростков и молодых людей, уходивших в цирк, погибали от пьянства и нищеты. Он довольно насмотрелся на безысходную нужду и эксплуатацию цирковых артистов, пережил и перечувствовал всю неприглядность артистической жизни.

Вместе с тем Анатолий Дуров знал, что эти темные стороны цирковой профессии есть только следствие бесправного положения работников цирка.

Он ежедневно наблюдал грубое, пренебрежительное отношение к своим товарищам-артистам со стороны людей чиновных, влиятельных и богатых. В глазах этих людей артисты цирка — просто «шуты гороховые», которые могут развлечь и позабавить.

Но он видел также, что простой народ очень любит

искусство цирка, восхищается смелостью и ловкостью его артистов, внимательно следит за их работой и живо откликается на все новое и интересное, что показывают в цирке.

«Но если народ любит цирк, — думал Анатолий Дуров, — значит, надо и работать так, чтобы наше искусство служило народу. Надо ломать чуждые русскому народу приемы...»

СЛАВА И ГОНЕНИЯ

о возвращении из заграничной гастрольной поездки в Петербург Анатолий Дуров был атакован газетными репортерами. Они желали узнать подробности его заграничных гастролей, прошедших, как о том сообщала иностранная печать, с исключительным успехом.

— Вы хотите знать — доволен ли я результатами моих гастролей в Западной Европе? — обратился Дуров к репортерам. — Доволен уже потому, что до этой поездки наша пресса не баловала русских цирковых артистов своим вниманием. А теперь ваше внимание к моей, например, особе дошло до того, что вы даже стали писать обо мне некрологи... Тронутый до глубины души, я стал их собирать, так что у меня теперь имеется альбом заметок о моей «преждевременной кончине». За это, господа, я вам благодарен. Я имею пристрастие к редкостям. А такая коллекция — исключительная редкость. Едва ли в целой России найдется второй счастливый обладатель подобной вещи. Прочитаю вам последний из моих некрологов, написанный с тонким чувством юмора...

Дуров вышел в другую комнату и тотчас же вернулся с альбомом.

— Слушайте, господа, — начал он, быстро найдя нужную вырезку, — «Еще одна горестная утрата! Умер Анатолий Дуров. В настоящее время развелось много балаганных шутов, но мало хороших клоунов. Покойный был самым остроумным клоуном. К этой профессии он был предназначен самой судьбой, на что указывает даже его фамилия. Покойный был поборником просвещения и просвещал наукой даже свиней...»

Дуров оглядел смущенно улыбавшихся газетчиков.

— Может быть, автор этой заметки находится среди вас, господа? — спросил он. — Я был бы рад познакомиться с ним ближе, потому что нахожу, что у него тоже имеются большие задатки к шутовству...

— Что касается материальной стороны моих зарубежных гастролей, — продолжал Дуров, — у меня и в этом отношении нет оснований быть недовольным. Мои звери всюду имели большой успех, причем должен заметить, что немцам больше всего пришлось по душе свиньи, французам — петухи, испанцам — собаки и козел, итальянцев заинтересовали кошки и крысы. Моих остроумцев за границей не могли понять, поэтому я от них воздерживался.

— За границей цирковые артисты — в таком же бесправном положении, как и в России. В этом смысле зарубежные цирки ничем не отличаются от русских. Хозяин цирка — царь и бог и держит в черном теле артистов. Насколько великолепны в больших европейских цирках помещения для зрителей, настолько убоги помещения для артистов. Они одеваются и гримируются в тесных клетушках, а то и просто в конюшнях, — многие здесь и ночуют. Артисты получают гроши; заболел, покалечился — ничего не получают. Все, все, как у нас!.. Если говорить о профессиональном мастерстве, то среди зарубежных цирковых артистов много превосходных гимнастов, акробатов и жонглеров.

— Дрессированные звери там в большом ходу. Но приемы дрессировки — самые зверские. Иностранцев зрителей удивляли мои животные. Они всегда веселы и слушают меня с первого слова, в то время как зарубежные дрессировщики не выпускают хлыста из рук. Они достигают послушания животных дубиной, хлыстом и голодом. Я же — терпением, лаской, поощрением.

Само собой разумеется, что я очень присматривался к европейским клоунам. Немецкие клоуны, например, остряты только ногами и руками, иначе говоря, дают друг другу пинки и пощечины. Такого сорта остроумие, к сожалению, широко развито и у нас... Что вам еще сказать о зарубежных цирках? Есть там клакеры. Впервые я познакомился с ними в Берлине. Явился ко мне в гостиницу прекрасно одетый молодой человек и отрекомендовался шефом клакеров. Вначале я подумал, что это какая-то организация

любителей и поклонников циркового искусства. Но молодой человек быстро рассеял мое заблуждение. Оказалось, что это — любители чужого кармана: они потребовали от меня уплаты определенной суммы, обещая в противном случае устроить мне шум и свист на представлении. Молодой человек горячо уверял, что в цивилизованном европейском мире так заведено исстари. Исключения для меня они не собирались делать. Пришлось и мне уплатить дань клаке. Ничего не скажешь: культурный способ залезания в чужой карман.

В зарубежных газетах, особенно в парижских, писали об Анатолии Дурове, как о замечательном дрессировщике. По возвращении его на родину столичная, а вслед за ней и провинциальная печать подняла большой шум о «секретах дуровской дрессировки».

Понятно, что жители Ялты с огромным интересом встретили анонсы: «После заграничных гастролей едет Анатолий Дуров! Первое большое представление. Участвует вся труппа дрессированных зверей и птиц...»

Толпы зрителей, среди которых было очень много курортников, стекались к цирку, когда на улицах города появились огромные пестрые афиши. На них был изображен Анатолий Дуров в окружении зверей и птиц.

На первом представлении он обещал раскрыть «секреты» своей дрессировки, рассказать, как он работает с животными.

Публика встретила его появление на арене громом рукоплесканий. Затем наступила мертвая тишина. Всем хотелось узнать побольше о Дурове-дрессировщике.

Это было очень своеобразное выступление. Его можно назвать представлением-лекцией. Анатолий Дуров говорил в своей обычной хлесткой манере, с шутками и каламбурами, и в то же время заставлял своих «артистов» проделывать занятные трюки.

— С детства занимаясь дрессировкой, — говорил он, — я подметил, что способности и характеры у животных столь же различны, как и у людей. Я зачисляю в свои помощники только способнейших и таких, которые добровольно подчиняются моим указаниям. Артисты по призванию — так я называю моих четвероногих и пернатых помощников. Позвольте представить вам моих артистов. Вот мой тенор-концертант — Петя Петушков. Петя, спой!

Петух захлопал крыльями, вскочил к лисице на голову и закричал «кукареку!»

— А вот — танцующий поросенок. Редкие способности. Извольте взглянуть, как он изящно вальсирует...

Он щелкнул пальцами над поросенком, и тот встал на задние ножки и, перебирая ими, стал кружиться.

— Вообще свинья — очень понятливое животное, — пояснил он, — и легко поддается дрессировке. В этом отношении она уступает только бюрократу. И, конечно, самая дрессированная свинья в мире — бюрократ!

— Мои животные — певцы, танцоры, акробаты, жонглеры, гимнасты, прыгуны, — говорил Дуров, и собаки прыгали друг через дружку, катались на больших разноцветных мячах, проделывали акробатические трюки, а большой черный кабан взобрался на подставку и держал на спине «пирамиду», в которой участвовали козел, собака, кошка, и на самом верху — крыса.

— Присмотритесь, как охотно и весело работают мои артисты... В чем же секрет? В том, что я подмечаю, кто к чему способен, фиксирую те движения, которые им более всего удаются, и лакомым кусочком, а не дубинкой, поощряю к работе. Я оставляю в моей труппе лишь наиболее способных и восприимчивых и немедленно исключаю тупиц и лентяев. Ах, господа, поверьте, что тянуть лентяев и тупиц за уши до обязательного окончания ими полного курса обучения — значит закрывать дорогу способным. Взгляните на моих питомцев. Кого только здесь нет! Тут и милые чушки-свиньи, игривые собачонки, серьезные бараны, болтливые сороки, величавые пеликаны, кошки, крысы, обезьяны. Пестрая компания! Нет в ней только Митрофанушек, недорослей из дворянских и купеческих сынков...

Сидевший в первом ряду кресел господин в цилиндре сердито сказал:

— Шарлатанство!

— Не хочешь учиться, — продолжал Дуров, — не надо, иди прочь! Умнику пирог, а тебя — за порог!.. Позвольте вам представить собачку-математика. Она легко решает задачи на сложение и вычитание. Покажи, Лильго, сколько будет три и пять?.. Верно: три и пять составят восемь. Гимназисты, реалисты и кадеты младших классов! Учитесь у моего пуделя, как надо решать задачки...

Гимназисты, реалисты и кадеты хлопали в ладоши. Их

папаши и мамыши смеялись: «Экий шутник! Экий ведь насмешник! Чему собака может научить, если ее обучает таким штукам сам же Дуров?»

— Есть в моей труппе и профессор!..

Разыгрывалась сцена: «профессор»-пеликан восседал на «кафедре», перелистывая огромным клювом огромную книгу. Вокруг кафедры осторожно ходили длинноногие журавли, исполняя роль почтительных студентов.

— Когда хотят оскорбить человека, его сравнивают с животным. Я нахожу это несправедливым.

Вот, для примера вам, свинья.
С купцом сравнить ее мне стыдно.
Коль в ней опрятности не видно,
Так потому, ручаюсь я,
Что все ей в жизни безразлично:
Заметит кто ее — отлично,
А не заметит — наплевать.
Купец же вечно лезет в знать!
А в чем лиса хитра, скажите?
Чтоб замести хвостом свой след?
Вы на сановника взгляните:
Такой, как он, лисицы нет.

— Я, со своей стороны, считаю для себя за честь быть похожим на некоторых животных. Где вы встретите у людей такую преданность и честность, как у собак? Часто ли среди людей вы найдете идеальную любовь лебедя, который умирает, если его разлучат с лебедихой? Часто ли можно наблюдать у людей ненарушаемое единобрачие, подобное тому, какое мы наблюдаем у гусей? А среди каких животных вы встретите провокаторов и предателей? Я утверждаю, что у животных положительные качества преобладают над отрицательными...

— А я утверждаю, что вы — шарлатан! — раздалось из первого ряда кресел.

Это сказал господин в цилиндре.

— Господа! — обратился Дуров к публике. — Вы слышали, что позволил себе этот господин?.. Он назвал меня шарлатаном за то, что я сказал несколько слов в защиту животных. Этот господин грубо оскорбил меня. Но я его всенародно прощаю!..

Обождая, пока затихнут выкрики и аплодисменты, он прибавил:

— Животным недостаёт умения выражать свои чувства словами. Но, право же, если дар слова употреблять так, как это только что сделал оскорбивший меня господин, — об этом жалеть не приходится.

— Закончил «лекцию» Дуров шуткой:

— Слон чувствует муху на своей толстой коже. А человек часто бывает под мухой и совсем ничего тогда не чувствует. Это происходит потому, что животные пьют только тогда, когда очень хочется. А мы?..

Он сокрушенно махнул рукой и ушел с арены вместе со своими «артистами» под общий дружный хохот зрителей.

Среди других номеров Дуров показал «Юбилей Гуся».

На арену, тяжело переваливаясь, вышел большой серый гусь, опоясанный наискось, под крыло широкой голубой лентой с картонными, позолоченными и посеребренными медалями и жетонами. Вслед за гусем шли толпой звери и птицы. Замыкал шествие Дуров.

Гусь остановился посреди арены и высоко поднял голову, как бы ожидая чего-то. Дуров обратился к зрителям с вступительным словом:

Почет для нас всего милей,
Здесь чванством дышат груди,
И что ни день, то юбилей
Справляют нынче люди.
Уж так устроен мир земной:
Тот курит год сигары,
Тот дрался десять лет с женой,
И вот вам — юбиляры.
Чтоб общий список подсчитать —
Так умереть милее!
Не мудрено, что стал мечтать
И гусь об юбилее...

Высоко держа голову, поглядывая по сторонам, гусь-юбиляр важно стоял посреди арены. «Гости» — звери и птицы поочередно подходили или подбегали к нему и «поздравляли» каждый на своем языке. «Переводил» Дуров.

— От газетных рецензентов я собачий шлю привет! — пролаял здоровый борзой пес.

Индюк, напыжась, распустив хвост, с низко опущен-

ными крыльями обошел гуся кругом и быстро-быстро залопотал:

— Привет мой вельможному гусю, — перевел Дуров. — Я важен, я полон апатии, и, чтя превосходство свое, вписались чины бюрократии в сословье мое.

— Хоть не товарищ гусю я, — прохрюкала чушка, — но, не сказав дурного слова, конечно, каждая свинья на юбилей прийти готова.

Заяц: — Привет! Простите, опоздал. Была хлопот такая масса. Всю ночь под лавкой пролежал в вагоне я второго класса.

Осел: — На свете много есть ослов весьма различного сословья. О, гусь, тебе скажу я прямо, что на своем стою упрямо.

Гуся поздравили также: сорока — от корпорации адвокатов («среди адвокатов также есть простые лапчатые гуся»), лошадь, петух и другие «гости».

Гусь-юбиляр, в ленте и регалиях, торжественно озираясь и на каждое поздравление отвечал кивками головы.

Представление привело широкую публику в восторг и разочаровало сотрудников столичной прессы, специально приехавших в Ялту: звери и птицы по-прежнему служили Анатолию Дурову для сатирического изобличения окружающей действительности.

Свои комические сценки Анатолий Дуров чаще всего разыгрывал с дрессированными свиньями. Уже один вид свиньи, выбегающей на арену, веселил публику. Популярности дрессированных свиней немало способствовал следующий забавный случай.

Клоун-дрессировщик Танти-Бедини, часто выступавший в цирке Саламонского, имел труппу превосходно дрессированных свиней. На одном из представлений ученая свинья Танти привела в такой восторг двух именитых московских купцов, что они решили непременно ее купить, зажарить и съесть с хреном и водкой. После представления купцы обратились к дрессировщику с предложением продать им эту свинью. Танти сначала отказал. Купцы настойчиво упрасивали. Наконец клоун согласился, но заломил огромную сумму. Поторговались и сошлись на двух тысячах. Купцы получили свинью и съели в ресторане с торжеством, в большой компании. Однако оказалось потом, что Танти продал купцам взамен ученой свиньи очень похожую, но самую обыкновенную «чушку».

Он рассказал об этом публике, и москвичи долго смеялись и передавали в разных вариантах эту анекдотическую историю.

Блестящую роль сыграла свинья Анатолия Дурова в его стычке с адмиралом Зеленým, градоначальником Одессы, куда он приехал летом на гастроли в цирк своего старого знакомого Максимилиано Труцци.

Адмирал Зеленóй держал население города под страхом арестов и высылки. При встрече с ним горожане должны были снимать шапки, картузы и шляпы. Тому, кто еще не знал этого порядка, грозный адмирал кричал «шапку долой!» и однажды собственноручно сбил фуражку с зазевавшегося гимназиста.

В день первого выхода Анатолия Дурова цирк был переполнен. В антракте представления в комнату буфета, где среди публики за одним из столиков сидел Дуров, вошел градоначальник. Все, кроме Дурова, поднялись со своих мест. Дуров, не знавший этого правила, сидел.

— Встать! — крикнул на него адмирал.

— Простите, я с вами не знаком, — возразил Дуров.

— Скажите этому олуху, что я — Зеленóй, — приказал градоначальник своему адъютанту.

— Так вот, — невозмутимо отозвался Дуров, — когда вы созреете, я буду вставать перед вами.

Это было неслыханно! Цирковой артист не только осмелился держать себя на равной ноге с первым сановником губернии, но еще и острил. Адмирал даже растерялся и несколько секунд глядел на смельчака в яростном недоумении.

— Убрать!!! — рявкнул он.

Дежурный пристав подскочил к градоначальнику и, держа руку под козырек, доложил:

— Это, ваше высокопревосходительство, и есть тот самый Дуров, которого ваше высокопревосходительство изволили приехать смотреть! Прикажете убрать?

Подбежал Труцци. Он был все такой же толстый и проворный, каким Анатолий знал его десять лет назад.

— Ваш високий превосходитель, — зашептал Труцци. — Это есть знаменитый Анатолий Дурофф. Его ждет весь публік. Будет большой скандал!..

Зеленóй повернулся и пошел из буфета. Старик Труцци семенил за ним, уговаривая подождать до конца представления.

Анатолий Дуров выступал в третьем отделении. Он знал, что после представления получит приказ оставить город, и был очень расстроен. Он с радостью принял предложение Труцци, надеясь провести в солнечной Одессе у моря два летних месяца с женой и маленькой дочкой. Ему было приятно выступать в прекрасно поставленном цирке у директора, которого он по старой памяти любил и уважал.

И в первый же день все рухнуло! Ему представилось, как будет огорчена Тереза. Она сидит в публике, не подозревая, что ночью им придется уехать. В его ушах еще раздавалось: «убрать!». Горечь и возмущение поднимались в нем. Хорошо же! Он в долгу не останется...

Анатолий Дуров прошел за кулисы.

— Достаньте мне быстрее зеленой краски!

В конце выступления он вывел на арену всех своих зверей и среди них — свинью, покрашенную в зеленый цвет. Собрав зверей вокруг зеленой свиньи, Дуров заставлял их кланяться ей, приговаривая:

— Кланяйтесь, кланяйтесь этому свинтусу, потому что он зеленый!

Публика на галерке и в амфитеатре бешено зааплодировала и начала стучать ногами, чтобы еще внушительней выразить свое одобрение. Аплодисменты заглушали голос градоначальника — он, перегнувшись через барьер ложи, что-то приказывал. Прибежал старик Труцци. Ругаясь по-итальянски, ухватил зеленую свинью за ошейник, чтобы увести. Не тут-то было. Свинья крепко стояла на своих мускулистых ножках. Не помогли и двое подоспевших на помощь служителей.

Выскочил на арену полицейский пристав, ударил зеленую свинью ногой в щегольском лакированном сапоге. Свинья завизжала. Публика разразилась хохотом, криками «браво, пристав!!». И только тогда Дуров, ласково погладив зеленую свинью, увел ее с арены.

Приказано: «Немедленно административным порядком выслать дворянина Анатолия Леонидовича Дурова»...

Дел было много и устраивать их надо было очень быстро, чтобы поспеть к первому отходившему из Одессы поезду. Все звери и весь артистический багаж остались в Одессе с помощниками Дурова, до следующего поезда.

Дежурный пристав неотступно сопровождал Дурова. Пристав тучен, не привык быстро ходить. Дуров не мог

отказать себе в удовольствии помучить представителя ненавистной полицейской власти. Отдавая распоряжения своим помощникам, осматривая конюшни, в которых находились его звери, он заставлял пристава буквально бегать за собой.

Когда они прибыли на вокзал, пристав, задыхаясь в тесном мундире от жары и одышки, взмолился:

— Пожалейте меня, господин Дуров!.. Присядем на минутку в ресторане. Я вас угощу.

Дуров строго поглядел на пристава.

— Вам приказано убрать меня. Выполняйте приказ!

На вокзале Анатолия Дурова ожидала толпа учащейся молодежи. Молодежь окружила вагон, в который сели Дуров с женой, и, пока поезд не тронулся, аплодировала и кричала: «Дуров! Bravo, Анатолий Дуров!»

Поезд отошел. Пристав облегченно вздохнул, снял фуражку и перекрестился...

В городе Николаеве, на Украине, местный градоначальник Киссель подверг предварительной цензуре тексты выступлений Дурова. Не доверяя этого важного дела полицмейстеру, он сам просматривал и вымарывал все, что сколько-нибудь казалось крамольным.

Дуров терпел, но к прощальному выступлению готовил специальный номер «Свинья на званом обеде».

Он расставил на арене, в тарелочках, угощение для свиньи. Переходя от одной тарелочки к другой, чушка быстро и весело поедала угощение. Но, подойдя, к последней тарелке, уставилась в нее пяточком, недовольно хрюкнула и отошла. Зрители увидели, что в этой тарелке — кисель.

Обращаясь к публике, указывая на тарелку, Дуров сказал:

— Даже свинью — и ту тошнит от киселя!

В Петербургском цирке Чинизелли он разложил перед свиньей несколько газет и предложил ей выбрать одну по своему вкусу.

Свинья подошла к одной газете, к другой и, наконец, выбрала, ткнувшись пяточком в страницы «Гражданина», который издавал влиятельный в правительственных кругах черносотенец и мракобес князь Мещерский. Дуров комментировал:

— Вот свинья и газету свою выбрала!

Его животные разыгрывали процессию: лошадь тянула

повозку, в которой на туго набитых мешках важно восседала огромная свинья с плакатом на спине «Капитализм». Следом — козел, украшенный плакатом «Свободная пресса», вез тележку, в которой сидели утки с надписью «Газетные». За тележкой шествовал большой пес — «Цензура». Процессию замыкал осел.

Под вальс из популярной оперетты Легара «Веселая вдова» свиньи раскачивались в лодках-качелях, а Дуров декламировал:

— Качайтесь, свиньи, наслаждайтесь! Прекрасно знаю я: везде господствует свинья...

И, раскачивая качели, напевал:

Быть им не надо в унынии,
Всех их достоинств не счесть.
Тихо качайтесь, свиньи,
Слава вам всюду и честь!..

Отойдя от качелей и обращаясь к публике, он заканчивал:

Про свинство можно много петь,
Мы много свинств должны терпеть.
Куда ни глянь — по всем местам,
Свиньи тут, и свиньи там! —

широкий жест в сторону первых рядов.

Его штрафовали и высылали. Гонения подрывали его материальную базу. Приходилось маневрировать, переключаться на беззлобный юмористический материал. Но он не сворачивал со своего трудного пути.

Дуров высмеивал чваных вельмож, тупых и жадных богачей, самодовольных бюрократов. Вместе с ним смеялось подавляющее большинство зрителей. Многие из существующих «установлений» и «порядков», казавшихся наивным обывателям незыблемыми, вдруг становились сомнительными, зыбкими. Это тревожило власти. Не случайно после одного из выступлений Анатолия Дурова в журнале «Дневник русского актера» появились такие строки:

«Клоун глумится над общественным порядком, вековыми идеалами, над политикой совершенно свободно. Кто может судить его за это? Никто! Нет закона, который тре-

бовал бы, чтобы слова и действия клоуна были подчинены контролю».

Этот вопль реакционного писака искажал действительное положение. Если выступления клоунов формально не подвергались предварительной официальной цензуре, зато полицмейстеры фактически контролировали их репертуар, «изымая» все, что им казалось нежелательным для публичного выступления. С Анатолием Дуровым было труднее, потому что он в таких случаях прибегал к импровизации.

Один раз, когда ему запретили разговаривать на арене, он вышел к публике, повесив на свой рот большой бутафорский замок, и вывел своих зверей. Сохраняя молчание, Дуров обошел с ними арену и удалился за кулисы. Зрители требовали выполнения программы. Тогда Дуров вышел на арену с большим плакатом: «Мой язык арестован. Разрешено только показывать животных. За подробными разъяснениями обращайтесь в полицию».

Подобный же случай произошел в Дерпте. Здесь полицмейстер Раст также запретил Дурову обращаться к публике с разговором, угрожая высылкой. Разрешено было только читать стихи. В последнем дебюте Дуров отказался и от стихов. Он выехал на арену в маленькой колясочке, запряженной свиньей. В полном молчанье, погоняя свинью, он круг за кругом объезжал арену. Это вышло очень забавно: богато одетый, с золотой цепью и жетонами на парчовом камзоле наездник восседал с торжественно серьезным лицом на детской колясочке, которую с веселым похрюкиванием катила большая белая свинья.

Первыми оценили это зрелище студенты университета. Они стали аплодировать и кричать: «Браво, Дуров!» Примеру студентов последовала и вся публика. Дуров разъезжал на свинье, пока не раздались крики: «Довольно! Стихи! Дуров, читайте стихи!..»

Дуров остановил свинью, поднял руку, и когда цирк затих, объявил: «Если вам угодно, можете кричать, а мне говорить запрещено!»

Публика застучала ногами, зашумела и настояла, чтобы Дурову разрешили исполнить свою программу целиком. Успех был таков, что ему не под силу было выходить на бесконечные вызовы. Студенты на руках вынесли его из цирка и проводили до гостиницы.

В Кременчуге полицмейстер Косолапов грубо обошел-

ся с ним. На представлении, обращаясь к своему кабану, Дуров сказал:

— Ну что, косолапый, неотесанная тварь, ты все еще злишься? А вот я угощу тебя палкой!

В Тамбовском цирке его черная свинья направилась в ту сторону партера, где сидела группа крупных чиновников, отпускавших иронические замечания в адрес Дурова. Он крикнул свинье:

— Как, скверное животное, ты хочешь меня покинуть и вернуться в свою среду?!

Весной 1901 года Анатолий Дуров переехал на постоянное жительство в Воронеж. Этот город стал близким ему и жене по воспоминаниям. Здесь он впервые нашел себя как артиста. Здесь определилось его настоящее призвание. Он облюбовал двухэтажный домик в самом конце горбатого и узкого переуллка, сбегаящего к реке. Дуров купил этот домик и усадьбу при нем, перевез сюда семью, имущество и своих зверей и сам жил здесь, возвращаясь из гастрольных поездок.

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

В дни русско-японской войны, когда наши армии терпели неудачи по вине реакционного и продажного царского правительства, отдавшего командование войсками в руки бездарных генералов, а снабжение фронта в руки спекулянтов, наживавшихся на военных поставках, Анатолий Дуров, выступая в цирках с дрессированными крысами, декламировал:

«Порошок от крыс купите, — объявление гласит, —

Он мышей и крыс в минуту радикально истребит»...

Но, скажите, отчего же нет отравы никакой

Против страшных крыс двуногих, что размножены войной.

Против гнусных и зловредных интендантских алчных

крыс,

Против тех, кто без стеснения провиант солдатский

сгрыз?

Против тех, кто истребляют сухари, табак, вино,

Обувь, кожу, холст, овчину и казенное сукно?

Знают все, что эти крысы причиняют много бед.

К сожалению, для них-то никакой отравы нет!

Переходя на обычный разговор, он обращался к публике с вопросом:

— Почему у нас на Дальнем Востоке мало пулеметов? И отвечал:

— Потому что своя рубашка ближе к телу. Зачем их отдавать другим, если они могут пригодиться для своих?

Это было, что называется, не в бровь, а в глаз. Встревоженное нарастающим в стране революционным движением царское правительство готовилось к вооруженной борьбе против народа.

Дрессированные звери и птицы Анатолия Дурова разыгрывали на арене «Войну животных». Козлы, бараны, свиньи, гуси, индюки шумно дрались.

— Все идет, как полагается, — говорил Дуров. — Интенданты воруют, полководцы сдаются в плен, солдатики умирают за веру, царя и отечество...

Расстрел питерских рабочих девятого января 1905 года произвел в стране потрясающее впечатление. Началась всеобщая октябрьская стачка. В Петербурге, Москве и других городах возникли Советы рабочих депутатов. Перепуганное царское правительство издало манифест о политических «свободах».

Дрессированная собака Анатолия Дурова крутилась на арене волчком — ловила хвост, а он уговаривал:

— Перестань, перестань, а не то оторвешь свой хвост и будешь собака кудая, как наша конституция!

Достав из кармана серебряный рубль с вычеканенным профилем Николая второго, Дуров перекидывал его из руки в руку и на вопрос помощника, что это он делает, отвечал:

— Пока ничего, так себе, дурака валяю...

Потом он заставлял свинью поднимать различные предметы, и когда она все это проделывала, Дуров бросал на ковер бумажный рубль. Свинья отказывалась его поднимать. Дуров сокрушенно разводил руками.

— Что вы от нее хотите, когда сам министр финансов не может поднять наш рубль!

Наступило время свирепой реакции и полицейского произвола. Мутная волна буржуазной пошлости захлестнула искусство и литературу. Программы цирков составлялись из внешне эффектных, но бессодержательных номеров, очень схожих с номерами кафе-шантанов и варьете.

Но по-прежнему смело выступал Анатолий Дуров. Властям приходилось считаться с его огромной популярностью. Полицейские чины старались заранее знакомиться с текстами его выступлений.

В Ессентуках немедленно по прибытии Дурова в гостиницу, где он занял номер, явился пристав.

— У вас, Анатолий Леонидович, написано в афише, что в представлении участвуют свиньи, дрессированные «на свободе»...

— Да...

— Ну, так нельзя ли слово «свобода» вычеркнуть? Вашему успеху это не помешает. Да вот еще, у вас, говорят, есть стишки о крысах. Разрешите познакомиться с этими стишками.

Среди дрессированных крыс у Анатолия Дурова были: газетная, театральная, балетная, полицейская. Пристав ничего не имел против газетной и театральной, но решительно возражал против полицейской крысы, «категорически» просил, «во избежание могущих произойти крупных недоразумений», не упоминать на представлении о полицейской крысе.

— Согласитесь, господин Дуров, что неудобно подрывать авторитет власти.

Дуров соглашался, что, пожалуй, действительно неудобно.

Когда на представлении он знакомил зрителей со своими дрессированными крысами, он не упоминал о полицейской, и стишки в этом месте выглядели так:

— А вот вертлявая и грозная, взяточница пресерьезная, и ухватка фарисейская. Это крыса...

Он брал крысу за шиворот и поднимал над головой, а ладонью другой руки зажимал себе рот. Но зрители хором дружно заканчивали:

— Полицейская!!

В Чернигове к нему явился пристав с предписанием: «Отобрать от трупы Дурова виды на жительство, а если таковых не окажется, воспретить им в цирке играть».

Дуров изумился:

— Да ведь у меня в труппе только крысы, свиньи, собаки!

— Не могу знать. Предписано отобрать паспорта — и больше ничего.

Дуров много работал с животными и заботился о сво-

ем «зверинце». Постоянные конфликты с властями и частые запрещения гастролей приводили к большим денежным потерям. Чтобы поправить пошатнувшиеся дела, Дуров выезжал за границу. В этих поездках его звери играли главную роль и приносили хозяину хорошие гонорары.

Поправив в заграничных гастролях материальные обстоятельства, он возвращался на родину и продолжал свою сатирическую деятельность.

Однако Дурова начали серьезно беспокоить покушения на его животных.

И прежде бывало, что его звери и птицы расплачивались за успехи своего хозяина. В одном цирке втерли в спину свинье битое стекло, в другом — воткнули в брюхо барану большую штопальную иглу, в третьем — угостили медведя булкой с булавкой и ощипали живьем петуха. Каждый раз он тяжело переживал страдания и гибель своих верных четвероногих и пернатых друзей. Но он знал, что это было делом рук неудачливых конкурентов-завистников.

Теперь же покушения слишком участились. Отравили его любимую собаку, которую Дуров никогда не оставлял в цирке, как других зверей. Она всегда находилась при нем. Отравили во дворе гостиницы. Само собой напрашивалось предположение, что кто-то со стороны подкупил подлеца. Случилось это в Кременчуге.

Дуров был удручен настолько, что закончил здесь до срока гастроль и переехал в Кишинев.

Но и в Кишиневе, куда он прибыл со своим «зверинцем», Дурова не покидало мрачное настроение.

Отчасти это было следствием большой нервной усталости. Гастроли в городах Украины проходили в крайне тяжелой обстановке. Почти на каждом представлении Анатолия Дурова встречали не только аплодисментами, но и свистками и криками «долой!»

Дуров знал, что свистят и кричат «долой» купленные полицией темные личности. Он старался сохранять хладнокровие, что удавалось с большим трудом.

Случалось, что во время самого сложного номера вдруг где-то наверху завопят: «Пожар!». Публика вскакивала с мест, спешила к выходам. Возникали давка и драка, истерически кричали женщины. В конце концов тревога оказывалась ложной.

Повышенная нервозность публики объяснялась общим напряженным положением. На Украине прокатилась волна погромных выступлений, организованных царской охранкой и черносотенцами против революционно настроенной части населения. Разгулу черносотенных банд покровительствовали власти. Каждую ночь вставали зарева пожаров, и виновники поджогов «не обнаруживались». Вот почему достаточно было крикнуть «пожар», чтобы вызвать панику.

В тот же день, когда Анатолий Дуров прибыл на гастролы в Кишинев, к нему в гостиницу приехал пристав. Полицмейстер требовал на просмотр его репертуар.

Анатолий Дуров привык держать себя независимо с полицейскими чинами. Он послал программу и тексты выступлений с приставом; но сам не считал нужным явиться.

Перед вечером пристав возвратил исчерканные красным карандашом тексты. Тогда Дуров сел в пролетку и помчался к полицмейстеру.

— Вы срываете мои гастролы! С чем же я буду выступать?

— Ничего не могу поделать, — пожимал плечами маленький, вежливый, с голубыми глазками, с рыжеватой бородкой и прической под Николая второго, полицмейстер.

— Но ведь с этой программой я выступал в крупнейших городах России — в Петербурге, в Москве, в Киеве, Одессе!

— К сожалению, здесь не Петербург и не Киев. Здесь Кишинев! — голубые глазки полицмейстера холодно глянули в глаза Дурову. — Кишинев — это, господин Дуров, Бессарабия. А Бессарабия — это окраина Российской империи. Вам непонятно?.. Сожалею, но ничем не могу помочь.

— В таком случае я поеду к губернатору! — Дуров вскочил с кресла.

— Поезжайте! — полицмейстер встал, подошел семенившей походкой к широкому окну. — Дом губернатора недалеко. Видите — белый, двухэтажный, за оградой?.. Поезжайте, поезжайте к губернатору.

В тоне полицмейстера почудилось издевательство. Дуров с ненавистью оглядел тщедушную, подтянутую, в лаковых сапожках фигурку и вышел.

К губернатору он не поехал.

На первом представлении в Кишиневском цирке Анатолий Дуров не читал вступительного монолога и сатирических куплетов. Он не мог рисковать в первый же день получить приказ о выезде. Пришлось сократить программу, свести ее к обычной демонстрации дрессированных животных и гимнастическим выступлениям.

Так прошла первая неделя гастролей. В начале второй Дуров прибег к импровизации. Объяснив публике, что местные власти очень строги и он не может показать всю свою программу, Дуров продекламировал:

— Тут, отлично знаю я, мне искусство не поможет. В наше время и свинья без цензуры петь не может!..

На следующий день утром его вызвали к полицмейстеру.

— Вы разговаривали с публикой о полиции и прочитали стишки, которых не было в представленной вами программе. Предупреждаю, чтобы это не повторялось.

— Хорошо, — сказал Дуров, — стишков вне программы я читать не буду.

— Также предупреждаю относительно предосудительных разговоров с публикой.

— Что вы называете предосудительными разговорами? — поинтересовался Дуров.

— Вы прекрасно меня понимаете... Предупреждаю самым серьезным образом. Имею указания! — полицмейстер поднял указательный палец.

— Хорошо, я не буду разговаривать с публикой. Ну, а к моим зверям я могу обращаться?

— По ходу представления, разумеется, — согласился полицмейстер.

— Так я и буду впредь поступать. Буду разговаривать только со зверями.

— Ирония с вашей стороны огорчительна, — покачал прилизанной головкой бюститель порядка. — Огорчительно, ибо я ценю ваш талант.

Дуров с удивлением поглядел на полицмейстера, вдруг заговорившего ласково.

— Я имел удовольствие видеть вас в Петербурге, в цирке Чинизелли, — продолжал тот, — и хочу дружески посоветовать: измените характер ваших выступлений.

— Совет начальства равносильен приказанию, — поклонился Дуров. — Когда прикажете изменить?

— Повторяю, ирония ваша мне крайне огорчительна... Вы должны понять, господин Дуров: времена наступили крутые, и каждый интеллигентный человек должен серьезно подумать: кому, какому господину он служит?..

— Ах, вы вот о чем! — протянул Дуров. — Ну, я хорошо знаю своего господина. Мой господин — народ.

— Ну, да, да, — закивал полицмейстер, — конечно, народ. Но это слишком общее понятие.

— Могу уточнить, — перебил Дуров. — Я служу русскому трудовому народу.

— Так, так. Конечно, мы все служим русскому народу. Я тоже служу... Чему вы смеетесь, господин Дуров?

— Извольте шутить, господин полицмейстер.

Полицмейстер слегка покраснел, помолчал.

— Хорошо... Я хотел посоветовать вам, господин Дуров, изменить направление вашего ремесла. Мода на либерализм прошла. Власти не могут больше допускать глумления над существующими порядками. Ваши собратья по ремеслу давно это поняли...

— Я тоже вас понял, господин полицмейстер, — сказал Дуров, поднимаясь с места, — не продолжайте. Такие советы я уже слышал. Будьте здоровы, спешу на репетицию.

На представлении он не обращался к публике. Но, заставляя собаку вальсировать и затем ловить свой хвост, повторил остроту о конституции.

После представления к нему в уборную явился пристав и взял подписку «не говорить с собакой о хвосте и конституции».

Повторяя на следующем представлении этот номер, Дуров остановил собаку, когда она принялась ловить хвост.

— Хвост оставь в покое, — сказал он. — Полицмейстер про хвост запретил говорить!

Раздались аплодисменты и свистки. Дуров ушел за кулисы. Тут к нему прибежал пристав.

— Что вы себе позволяете, господин Дуров?!

— А что такое? Что я себе позволил?

— Вы же дали подписку не упоминать о хвосте!

— Да. И я остановил мою собаку, потому что мне запрещено говорить про хвост.

— Вы очень много себе позволяете, господин Дуров!

— Да что вы ко мне придираетесь? Я выполнил все, что от меня требовалось. Я не говорил про хвост. Я ска-

зал, что полицеймейстер про хвост запретил говорить. Если вам представилось в этих словах что-то дурное, я тут ни при чем. Оставьте меня в покое.

Вокруг них начали собираться любопытные. Пристав повернулся и убежал.

Эта стычка как будто не имела последствий. Полиция больше не беспокоила Дурова, хотя он и ждал, что ему пришлют приказ оставить Кишинев.

Теперь он ничего не имел против того, чтобы уехать, не закончив гастролей. Плохое настроение, не покидавшее его в течение всей поездки по городам Украины, превратилось здесь в острое желание покончить с этими гастролями.

Он возобновил свои сатирические импровизации и обращения к публике, стал исполнять стихи о свиньях и крысах.

Так прошло еще несколько дней...

На город опустилась жаркая июльская ночь. Заснуть Анатолий Дуров никак не мог от духоты и потому, что был слишком утомлен после трех выступлений.

Он поднялся с дивана, распахнул настежь окна и, облокотясь на подоконник, с раскрытой грудью, стал глядеть на улицу, в густой мрак южной ночи.

Ни малейшего ветерка. Неподвижно чернели перед окнами гостиницы старые акации. Дуров глядел на них, и ему казалось, что мрак и духота ночи еще гуще и тяжелее оттого, что огромные кроны акаций закрывают улицу. В его воронежской усадьбе над рекой в любую жару дышалось легко...

К подъезду гостиницы вскачь подъехала пролетка. Из пролетки выскочил человек и, увидев высунувшегося в окно Дурова, закричал:

— Анатолий Леонидович! Пожар в цирке!!

Дуров узнал служителя.

В эту поездку Дуров столько раз слышал злое слово «пожар» и столько раз тревога оказывалась ложной, что он спросил:

— Пожар? Настоящий?

— Настоящий, Анатолий Леонидович! Горят конюшни!

Услыхав это, Дуров наспех оделся и, забыв шляпу, выскочил на улицу. В конюшнях размещены его звери и птицы.

Когда они примчались, деревянные конюшни были охвачены огнем. Главному зданию цирка опасность пока не угрожала, хотя конюшни стояли в непосредственной от него близости. Пожарная команда еще не приехала.

Растолкав толпу у ворот, Дуров прорвался на ярко освещенный двор цирка. Рев, вой и визг запертых в конюшнях зверей привели его в ярость. Не помня себя, он накинулся на своих помощников:

— Почему не выпущены звери? Почему не сняты затворы?

— Затворы забиты! — крикнул старший помощник; лицо его было покрыто копотью.

— Как забиты! Кто это сделал?! Разбойники!.. Где был сторож?! — кричал Дуров. — Тушите огонь! Давайте воду!

— Нет воды! — услышал он.

Сознание Анатолия Дурова помутилось: как, даже воды нет?!

— Так дайте же мне лом, топор!! Рубите, ломайте двери!! — в отчаянье завопил он и бросился к пылающим конюшням. Его перехватили стоявшие тут артисты.

— Опомнитесь, Анатолий Леонидович!.. Что вы можете сделать голыми руками?!

По мостовой загрохотали телеги городской пожарной команды. Появились и городовые, стали осаживать и отеснять от ворот толпу любопытных.

Пожарники в блестящих касках вбежали во двор, протянули шланги, окружили главное здание.

— Посторонние, очистить двор! — распоряжался брандмейстер. — Господин, — обратился он к Дурову — прошу очистить двор!

— Я — Дуров! — бросился к нему Анатолий. — Тушите конюшни! Мои звери заперты в конюшнях!.. Цирку не грозит опасность. Ради бога, тушите быстрее конюшни.

— Прошу не распоряжаться! — огрызнулся брандмейстер.

Он приказал поливать стены и крышу главного здания. Но тут к брандмейстеру подбежал пожарник и доложил, что водоразборная будка не подает воды.

— Протянуть шланги к ближайшей будке! — скомандовал брандмейстер.

И пока налаживали подачу воды, конюшни и пристрой-

ки к ним полыхали огромным, высоким костром. Рев, визг и вой гибнущих животных до слез потрясали артистов.

Наконец наладили подачу воды. Заработала паровая машина. С резким шипеньем взметнулись струи воды. Но все они падали на крышу и стены цирка.

Напрасно Дуров умолял пожарников тушить конюшни. Они выполняли приказ брандмейстера. Брандмейстер же выполнял приказ полиции.

Одна за другой рухнули крыши конюшен. В вихрях раскаленного воздуха высоко в темное небо поднялись столбы пляшущих искр. Рев и вой затихали...

Как только Анатолий Дуров понял, что все кончено, слезы на его глазах высохли. Он поднял голову и, не глядя на страшный костер, в котором погибли все его звери, не замечая никого, молча пошел на освещенную пожаром улицу.

Тысячная толпа любопытных расступалась, давая ему дорогу. Он не слышал, как рыжий, мордастый парень в картузике с лаковым козырьком, с выбившимся из-под козырька чубом, крикнул ему:

«Эх, барин, сколько у тебя сегодня свинины да баранины задаром пропало!» И кто-то из толпы ответил парню: «Сам ты — свинина, дурак ты этакой!»

Отблески пожара дрожали на мостовой. Гигантские тени ложились далеко впереди. Дуров свернул в первый переулок. Но и здесь, в багровом трепетном полумраке, встречалось много людей, спешащих посмотреть на пожар.

Он свернул в следующий переулок. Здесь было темнее, люди встречались реже.

Он шел и шел куда глаза глядят, сворачивая во все более глухие переулки, к восточной окраине города....

Окраина осталась позади. Дуров вышел в прохладную перед рассветом, молчаливую под звездным небом степь, подошел к обрыву, за которым журчала вода и сонно квакали лягушки, и только тут, почувствовав себя легче, обернулся. Позади темнели очертания города. Над городом, слева, все еще стояло небольшое меркнувшее зарево.

Острая боль защемила его сердце с такой силой, что он даже застонал:

— Негодяи! Что им сделали мои бедные звери!..

В гостиницу Анатолий Дуров вернулся после восхода солнца. Коридорный сказал, что приезжали из цирка.

— Говори всем, что меня нет, — ответил Дуров. — А если придет полицейский крючок, скажи, что у меня для него приготовлена палка!

Он заперся в своей комнате, лег в кровать и мгновенно заснул. Сначала это был крепкий, без сновидений сон. Но скоро его стали беспокоить навязчивые, повторяющиеся образы. Он видел себя маленьким мальчиком, воспитанником военной гимназии. Над ним склонялось жирное, с мокрыми висячими усами лицо учителя чистописания. «Чем ходить на руках, — говорил учитель, — лучше бы ты их приспособил к писанию...» И чтобы мальчишка запомнил эти слова, учитель стучит по его лбу толстым указательным пальцем. Анатолий ненавидит учителя чистописания, но вдруг замечает, что наклоняется над ним не учитель, а Николай Захарович, и сердце Анатолия наполняется любовью и радостью, что он жив. А Николай Захарович сердится и кричит: «Ты должен служить отечеству!» И оттого, что он очень сердится, его лицо странным образом искажается, и это уже — полицмейстер с бородкой, усами и пробором, как у царя, спрашивает: «Какому господину служишь?» Гнев охватывает Анатолия Дурова. Он знает, что полицмейстер убил его зверей. Он хочет ударить полицмейстера тростью, но рука тяжела, будто налита свинцом. Он не может ее поднять, а полицмейстер смеется, превращается в брандмейстера с блестящей каской на голове и строго говорит: «Прошу очистить двор!» На дворе жарко от огня и тесно от множества людей. Они все идут и идут с улицы. Надо во что бы то ни стало пробиться сквозь толпу, и никак это невозможно. И от тяжелых усилий Дуров стонет, проваливается куда-то, где темно, пустынно и тихо, и снова видит себя маленьким мальчиком...

Очнулся он, когда солнце опять клонилось к вечеру. Болела голова, и во всем теле бродил знобящий жар. «Кажется, я нездоров», — подумал он.

Сознание, что он может заболеть и надолго застрять в Кишиневе, встряхнуло его и поставило на ноги. Еще в балагане Вайнштока он приучил себя к мысли, что цирковому артисту болеть нельзя.

Он вымылся, побрился, оделся и поехал в цирк. И когда явился в контору цирка, только острый блеск глубоко запавших глаз говорил о пережитом.

Директор рассыпался в многоречивых соболезнованиях. Дуров с ледяной вежливостью осадил его, предложив перейти к делу. Соболезнования были ему тем более неприятны, что имелись все основания считать этого дельца, в прошлом содержателя цирковых буфетов, соучастником в поджоге конюшен.

Все до единого животные Дурова погибли, в то время как лошади, принадлежавшие директору и наездникам, уцелели. Директор объяснял это тем, что все лошади были заняты в представлении и еще находились в главном здании цирка, когда начался пожар в конюшнях.

— Счастливая случайность, — сказал директор.

— Да, — согласился Анатолий Дуров, глядя в упор в смуглое, с приподнятыми, похожими на две запятые, бровями лицо директора. — Настолько счастливая случайность, что даже ваши рабочие лошади были своевременно выведены из конюшен.

— Что вы этим хотите сказать, Анатолий Леонидович? — вскинулся директор.

— Да только то, что вашим лошадям удивительно повезло. Не то что моим зверям. Их заперли на засовы; а засовы какие-то отпетые негодяи и мерзавцы забили гвоздями!

— Таких подробностей я не слышал.

— А я слышал и видел! — Дуров стукнул тростью в пол и так глянул на директора, что тот откинулся в своем кресле. Ему показалось, что Дуров хочет его ударить.

— Я понимаю ваше состояние, Анатолий Леонидович, — поспешно заговорил директор, — вы потеряли много. Но ведь и я тоже пострадал. Сгорели новые, капитально построенные конюшни и пристройки. Убыток огромный...

— Я не торгаш, — сухо сказал Дуров. — Гибель моих животных не перевожу на рубли! Оставим этот разговор. Давайте подведем итог моим гастролям.

Прощаясь с артистами, Дуров на вопросы, куда он едет, отвечал:

— Домой, в Воронеж. Буду писать куплеты для моей новой программы. У меня для них есть замечательный рефрен.

— Скажите, пожалуйста! — удивился директор. — А нельзя ли полюбопытствовать, какой рефрен?

— Можно, — ответил Дуров. — Рефрен к новым куплетам будет такой...

И, глядя в лицо директору, постукивая тростью, он выразительно продекламировал:

А скажи мне, гадина, сколько тебе дадено?!

Три дня спустя он прибыл в Воронеж.

Дома его не ждали. В этот ранний час в двухэтажном домике над рекой все, кроме Терезы, еще спали. Его верная подруга, всегда бодрая и деятельная Тереза, вставала летом с восходом солнца. Она услышала стук подъехавшей к дому извозчицей пролетки, выглянула в окно, ахнула и бросилась на улицу встречать.

Несколько минут спустя по лестнице поднялся Анатолий Леонидович. Остановился посреди комнаты, оглядывая ее с таким выражением лица, будто спрашивал себя: «Неужели я — дома?»

— Что случилось? — встревоженно повторяла вошедшая вслед за ним Тереза. — Почему не дал телеграммы?.. Где твоя собака?

— Собака?.. Дуров взглянул на жену и опустился на диван, за круглый низенький столик.

— Нет у меня теперь ни собаки, ни свиньи, ни барана, ни козла, ни осла...

— Да что же, наконец, случилось?! Где твои звери?

— Погибли, сгорели. Все до одного, звери и птицы, — устало сказал Анатолий Леонидович. Лицо его покривилось. Он ударил кулаком в столик.

— Живьем сожгли моих зверей! Негодяи!.. Лучше бы они меня в тюрьму посадили!

Больным, постаревшим вернулся домой Анатолий Дуров. Не материальный крах подкосил его. На своем трудном пути он привык получать удары и переживать потери. Трагическая гибель животных состарила его на несколько лет. Едва ли до этого случая он сознавал, как сильно был привязан к своим «четвероногим и пернатым друзьям».

В кругу семьи он старался и не мог забыть кишиневский пожар. Всякий раз, вспоминая о нем, приходил в ярость, а потом погружался в мрачное раздумье...

Между тем в столичных газетах появились и были пе-

репечатаны многими провинциальными газетами сообщения о пожаре цирка «известного дрессировщика Анатолия Дурова». Сообщалось, что Анатолий Дуров не может больше выступать, потому что все его животные погибли и сам он тяжело болен. В корреспонденциях приводилось много вымышленных подробностей, вроде такой, например, что Дурова вынесли с пожара без сознания.

Сам он не читал этих сообщений и не принимал любопытствующих репортеров.

Но, как отклик на газетные заметки, в Воронеж, на имя Анатолия Леонидовича Дурова, стали приходить телеграммы и письма со всех концов России. Вначале эти послания передавала ему жена. Потом он сам с утра ждал звонка почтальона, чтобы взять у него письма.

Писали люди разных сословий, профессий и возрастов. Писали студенты, учителя, рабочие, крестьяне, служащие.

«Дорогой Анатолий Леонидович! — обращались к нему ученики младших классов Воронежского городского училища. — Мы узнали, что Вас постигло большое несчастье, — сгорел Ваш цирк, и Вы заболели. Дорогой Анатолий Леонидович, мы очень Вас любим и хотим, чтобы Вы быстро поправились и опять выступали в цирке с дрессированными животными. Мы решили подарить Вам наших животных. У нас есть собаки, кошки, поросята, ручной заяц, козленок, голуби. Напишите, когда можно к Вам прийти».

В другом письме говорилось:

«Быть вечно юным в Ваши годы — есть гениальный дар природы. И он заставит Анатолия прожить сто лет, а то и более...»

Каждый день в домик над рекой звонили незнакомые люди, спрашивали о здоровье Анатолия Дурова.

Особенно его подбодрило посещение группы сельских учителей и учительниц, прибывших в Воронеж на педагогические курсы. Он долго с ними беседовал в глубине сада, где ползали большие черепахи с надписями на панцирях: «городское хозяйство», «наш транспорт», «просвещение».

Когда посетители ушли, он, возбужденно потирая руки, сказал жене:

— Вот... Люди говорят, чтобы я выступал. Даже какую-то подписку собирают. Ну, значит, я нужен...

Чтобы возобновить труппу дрессированных животных, Анатолий Дуров продал свои коллекции и картинную галерею.

К началу сезона на рекламных щитах и афишах Москвы снова появилось его имя. И здание цирка на Цветном бульваре дрогнуло от аплодисментов в день первого представления, когда распорядитель в черном фраке объявил:

— Оригинальный клоун Анатолий Дуров!

разрывных уо. сват-
ную Польшу и Со-
С польской точки
Советским государ-
краеугольным кам-
союзо

приятия, имеющих
общегосударст-
венное значение. Уже пущены в хо-
первый в Китае Чанчуньский авто-
завод и завод тяжелого машиностро-
ния в Тайюане, возводятся корпус

машино-
ньског
роения
о трак-
аньски
нефте-
фтяног
ближай
дейст-
бински

усили
ширени
ны. На
расшире
дургиче
ельство
ернулис
ей бази
в Баото
также п
их заво
Чанбань

И
ПАРТИИ

АСС). —
ерасьон
голосова
рании п
льству Г
кой груп
довольн
епутатое
итике по
Алжире и
анцузским
ей Наци

АНТИ

ы в то
о и Ф
ством в
также,
жду м
анции
анных
остигну
начала
енной

апомним
есяцев,
зации к
навигат
и беспер
но больш
было р
шение С
е основ
уэцкой
основе
принцип

ловиях
к авантю
растущ
ролюбивь
общест

й, нап
ьетнам

о ему усмотрению состав
или распускать его.
емовская «конституция»
зкую критику со сторо-
онных Иго Динь Дьему

онального фронта освобождения Ал-
жира. По сведениям газеты, окол
15 депутатов, в том числе Вердье
Депре, Даниель Мейер, Жюль Мов
Мазье на этом заседании не согласи

несенной а

Чтобы возом
Анатолий Дуро
лерею.

К началу с
Москвы снова
Цветном бульв
вого представл
объявил:

— Оригинал

28 октября 1956 г. № 254

В домике Дурова

Воронеж 1884 года. На арену цирка Труцки, где только что закончилась пауза коверный по имени Миша, выходит клоун. Это молодой, но уже завоевавший успех у воронежцев артист Анатолий Дуров. Его встречают аплодисментами. Вместе со всей публикой Дурову аплодирует в ложе и воронежский губернатор Мишин. Этот великий самодур сегодня в настроении. Но что это? Дуров ведет за собой осла, взятого напрокат у своего собрата по искусству Миши. Подняв руку, клоун просит внимания.

— Уважаемые господа! — говорит он. — Зачем вы аплодируете? Это осел мишин...

Взрыв хохота награждает артиста. Все взоры обращаются к губернской ложе. Вздрыгивая, угрожающе жестикую, покидает цирк.

Так начал свой славный путь в искусстве замечательный русский клоун, глава знаменитой династии цирковых артистов Анатолий Леонидович Дуров.

Искосившего в триумфальных поездках весь мир артиста всегда тянуло в Воронеж. Вместе с молодой женой — наездницей одного из берлинских цирков — в 1901 году он поселился в родном городе, купив белых рек доников.

Дуров был мастер на все руки. Он прекрасно рисовал, занимался валянием. В 1906 году артист открыл выставку своих картин. Пуб-

лику привлекала оригинальная живопись Дурова и весь его в высшей степени любопытный уголок. Творческая энергия Анатолия Леонидовича казалась неиссякаемой. На своей

На снимке: Елена Робертовна Дурова-Фаччиолли.

усадьбе он оборудовал комнату смеха под названием «Весьма серьезный отдел», устроил библиотеку — читальню.

Все свои средства, заработанные тяжелым трудом артиста, А. Л. Дуров тратит на организацию публичных выставок, музеев. Путешествуя, он скупает картины известных художников, скульптуры, редкостные вещи.

В музее Дурова публика помнит многочисленные чудеса животных, птиц и насекомых, могла ознакомиться с коллекциями одежды, старинного оружия, посуды, предметов, найденных при раскопках, различными редкими документами и предметами, такими, как египетский саркофаг, первая граната, брошенная японцами в Порт-Артур, кушан из дома Гоголя и другими.

...В домике, что стоит под номером 2 в самом конце улицы, названной именем Дурова, нас приветливо встречает пожилая, но еще достаточно бодрая для своих семидесяти шести лет женщина. Это жена Анатолия Леонидовича Елена Робертовна Дурова-Фаччиолли. Собственно сперва нас как бы приветствовал сам Дуров. На входной двери в свое время им собственноруч-

но была прикреплена эмалированная дощечка с надписью: «Добрые гости — хозяину честь».

Елена Робертовна рассказывает о своем муже, его друзьях и врагах. Как часто острое слово, сказанное с арены, было поводом для высылки Анатолия Леонидовича из того или иного города. Но как любил Дурова за его смелость простой народ, переполнявший цирки! Домик Дуровых во время их приезда с гастролей никогда не был пуст. Гости шли нескончаемой чередой. Это для них написано на лестничной площадке изречение: «Кто ко мне приходит — делает мне удовольствие, а кто не уходит — делает одолжение».

В кабинете Дурова на первом этаже жила А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин, С. Г. Петров (Скиталец).

В Воронеже А. Л. Дуров со своей женой снимался в кинофильме «Смех, слезы и дождь», где по ходу действия аркалы с Чернавского моста в реку.

Л. СУСЛОВ.

П. БОРИСОВ.

Зрѹб20 коп.

И 28¹²